

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
И
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ СТО ДВАДЦАТЫЙ
(ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ)

ТОМ
120

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009 г.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
И
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ СТО ДВАДЦАТЫЙ
(ТОМ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ)

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009 г.

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ
с 1766 г.

Вольное экономическое общество России
Международный Союз экономистов

Научные труды ВЭО России

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ
И
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

МОСКВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009 г.

Данный сборник Научных Трудов Вольного экономического общества России подготовлен в рамках реализации социально значимого проекта в области образования «Мировая экономика до 2020 года и экономическая безопасность». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года №192-рп.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные Труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

© Вольное экономическое общество России, 2009
© Международный Союз экономистов, 2009
ISBN 978-5-94160-100-4
ISSN 2072-2060

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г.Х. ПОПОВ

Главный редактор, президент
Вольного экономического общества
России, президент Международного
Союза экономистов, президент Международ-
ной Академии менеджмента, доктор экономи-
ческих наук, профессор

Л.И. АБАЛКИН

Вице-президент, председатель
Научно-практического Совета Вольного
экономического общества России,
научный руководитель Института
экономики РАН, академик РАН,
доктор экономических наук, профессор

И.В. ВОРОНОВА

Координатор-составитель,
вице-президент Вольного экономического
общества России, кандидат
экономических наук, профессор

В.В. ИВАНТЕР

Член Правления Вольного экономического
общества России, директор Института
народно-хозяйственного прогнозирования РАН,
академик РАН, доктор экономических наук,
профессор

В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ

Руководитель издания,
первый вице-президент Вольного
экономического общества России,
академик РАЕН, доктор экономики
и менеджмента, кандидат экономических наук,
профессор

Р.И. ПЛОТНИКОВА

Вице-президент Вольного
экономического общества России,
заслуженный экономист Российской
Федерации, профессор

В.А. РАЕВСКИЙ

Член Президиума Вольного
экономического общества России,
советник Международного
консультативно-правового центра
по налогообложению, доктор
экономических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ К 2020 ГОДУ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

(стенограмма)

01.09.09

Ю.М. Лужков

Мировой кризис и Россия: какие уроки нам необходимо извлечь и как выйти из кризиса более сильными? 8

Г.Х. Попов

Большая антикризисная стратегия России 29

Д.Е. Сорокин

Стратегические ориентиры антикризисной политики России 45

В.М. Давыдов

Восходящие страны-гиганты на современной мировой арене 67

М.А. Коробейников

Экономика АПК России в миросистеме: прогноз развития до 2020 года 97

**Условия представления научных статей
для публикации в сборниках**

Научных Трудов ВЭО России 116

ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ

**«РОССИЯ В СИСТЕМЕ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ К 2020 ГОДУ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»**

(стенограмма)

01.09.09

МИРОВОЙ КРИЗИС И РОССИЯ: КАКИЕ УРОКИ НАМ НЕОБХОДИМО ИЗВЛЕЧЬ И КАК ВЫЙТИ ИЗ КРИЗИСА БОЛЕЕ СИЛЬНЫМИ?

Ю.М. ЛУЖКОВ,

*мэр Москвы, почетный президент ВЭО Москвы,
почетный академик Международной Академии
менеджмента, д.х.н., профессор*

У всякого явления, как известно, всегда бывают отрицательные и положительные стороны. Вот и разразившийся в 2008 году в мире финансово-экономический кризис (или, если пользоваться марксистской терминологией, **системный кризис капитализма как общественной формации**) заставил нас задуматься о многих вопросах, казавшихся ранее второстепенными. К примеру, о том, что экономика – это вовсе не самоцель человеческой деятельности. И она должна выполнять всего лишь вспомогательную роль в жизни общества, обеспечивая человеку возможность самореализации и максимального раскрытия своего творческого потенциала. Коротко говоря, **экономика должна помогать человеку раскрыть его таланты и дать им расцвести на благо других людей, а не высасывать из него, как спрут, все жизненные силы и время на обслуживание самой себя.** Исходя из этого, экономика должна быть организована так, чтобы она наи-

лучшим образом способствовала реализации принципов *культуры мира, толерантности, межнационального согласия и межконфессионального взаимодействия*, и такой подход к ней должен стать определяющим фактором для нашей жизненной философии и самой практики жизни.

Именно с этой позиции и необходимо рассматривать пришедший к нам из-за океана финансово-экономический кризис, который нарушил нормальное течение нашей жизни и в который уже раз за российскую историю заставил поставить на первое место проблему физического выживания, а не духовного и культурного развития нации.

Несмотря на раздающиеся в последнее время оптимистические высказывания о том, что «дно» мирового финансового кризиса уже пройдено и скоро наступит его конец, мы должны быть реалистами и понимать, что до реального завершения этого процесса еще очень далеко, и даже после действительного выхода из кризиса мы еще долго будем ощущать его негативные последствия. Чтобы окончательно преодолеть их, а тем более, не дать кризису разразиться снова, необходимо всем вместе проанализировать и осмыслить его истоки, понять сами причины того, как и откуда пришел к нам этот кризис. Понимание этих причин позволит нам ставить и решать экономические задачи так, чтобы наше государство, наша экономика не проваливались так глубоко, как это уже случилось, и делали шаги в правильном направлении.

Первое, что необходимо констатировать как факт, это понимание того, что по своему происхождению нынешний кризис – не наш, а, так сказать, «импортированный». Он пришел

в мир и в Россию из ситуации, которая сложилась в Соединенных Штатах Америки, и, оценивая причины его возникновения, мы должны погрузиться в то, что сегодня представляет из себя капитализм США.

Американский капитализм сегодня – это совсем не тот капитализм, о котором говорили в свое время многие европейские философы, по трактовкам которых главной целью и одновременно движущей силой капитализма является стремление людей, реализующих рыночные принципы, получать максимум выгоды и прибыли через расширенное воспроизводство. Данная ситуация и сопутствовавший ей ранее принцип находили свое подтверждение и в главном труде великого Маркса о капитале, в его знаменитой формуле: *«деньги – товар – реализация товара – новые деньги»*.

Однако ситуация, которая сложилась в Соединенных Штатах Америки к началу кризиса, выглядит совершенно иначе. В последние два-три десятилетия мир жил уже при абсолютно новой, **«генно-модифицированной»** форме капитализма – **транскапитализме**, основанном на виртуальной экономике *финансовых пузырей и их постоянном воспроизводстве в интересах глобальной финансовой олигархии*. А идеологической базой транскапитализма явились *теории монетаризма*.

На практике это выразилось в том, что транснациональные корпорации США и стран Запада начали перемещать производство товаров в те мировые «цеха», которые давали более выгодные результаты – в частности, в страны Юго-Восточной Азии. Эти страны обеспечивали их дешевым тру-

дом и дешевой энергией практически с нулевыми требованиями к охране здоровья работников, соблюдению норм безопасности и расходам на экологию. *В результате дело дошло до предельных уровней освобождения государств Запада от промышленного производства.* Сильнее всех в этом процессе преуспела все та же Америка, которую все привыкли считать великой страной-производительницей различной продукции. Сегодня в валовом внутреннем продукте этой страны реальный сектор экономики занимает всего лишь 11%! Это ничтожная доля, говорящая о том, что данная страна фактически уже почти ничего не производит.

А что же заместило остальные 89% валового продукта? Их заместили игра в акции, игра в ценные бумаги, спекуляции с этими самыми деривативами, которые коренным образом изменили главную формулу капитализма. С внедрением на финансовых рынках США деривативов цепочка «деньги – товар – деньги» принципиально видоизменилась и приобрела вид «деньги – ценные бумаги – новые деньги». Для того чтобы эти ценные бумаги работали на пользу формирования новых денег, Америка в разные времена сделала два очень важных шага. Первый шаг: она оказалась от принципа золотого эквивалента доллара. Этот шаг был спровоцирован теми, кто поставил перед собой задачу зарабатывать и получать товарное обеспечение Америки за счет производства не только товаров, но и непосредственно самих долларов, для чего в послевоенный период авторитет доллара искусственно и реально был поднят на уровень главной международной валюты. Отказ от золотого обеспечения доллара позволил США очень

спокойно (поскольку они были главным эмиссионным центром) производить столько этих бумажек, сколько им было нужно для того, чтобы обеспечить как минимум двукратное богатство Америки по сравнению с тем продуктом, который она тогда реально производила.

Следующий шаг был сделан несколько позже, когда правительство США сняло запрет на получение сверхприбылей, перестало контролировать норму прибыли, вследствие чего игра на биржевых котировках, которая по существу заменила собой реальное производство, став основным источником денежного наполнения американской экономики. По сути дела, все последние 20–30 лет США только и делали, что играли в деньги. И можно сказать – доигрались.

Вот так суммарно – через отказ от золотого обеспечения доллара и генерацию биржевых сверхприбылей – эта тенденция и привела к тому, что сегодня в мире в долларовом потенциале работает 1 квадрильон 420 триллионов долларов, что в десятки раз больше, чем валовой внутренний продукт всей реальной мировой экономики!

Поэтому течение кризиса – от причин его возникновения и вплоть до завершения – оказывается напрямую связанным с количеством американских долларов в мировой экономике. И особенно сильно эта ситуация проявляет себя в нашей стране, где многие с каким-то чуть ли не вожделием смотрят в сторону Америки и где имеется очень сильная привязка отечественной экономики к доллару.

Как мы должны сегодня оценивать эту ситуацию? Сидеть и ожидать стабилизации экономики США? Но сможет ли

Америка сделать какие-то эффективные шаги для того, чтобы устранить эти страшные диспропорции?

Кажется, она начала сегодня немножечко повышать долю реального сектора экономики в своем внутреннем валовом продукте, но это пока еще только малые проценты. А ситуация сегодня такова, что требует исправления в разовых величинах, а не в отдельных процентах.

Анализ мер, принимаемых сегодня американским правительством, производит откровенно негативное впечатление о способности США быстро выйти из своего кризисного состояния, хотя вброс грандиозных масс денег (опять-таки – исключительно *бумажных!*) в экономику, в поддержание автомобильной промышленности и другие отрасли американского хозяйства носит огромные размеры. Но это не радикальное лечение.

Сегодняшняя мировая экономика стоит на пороге опаснейших и катастрофических для многих стран мира процессов, которые повлечет за собой грядущая в скором будущем радикальная девальвация доллара. Если ее не произойдет в ближайшие месяцы, то какое-то время еще будет продолжаться это неустойчивое, зыбкое и опасное равновесие, но рано или поздно оно все же потребует объективных решений.

Доллар все равно рухнет. И тогда сразу в несколько раз обвалятся возможности приобретать на эти зеленые бумажки что-то существенное. Поэтому России с ее привязанностью к долларам нужно уже сейчас, в спокойном режиме, но очень целенаправленно и неуклонно отказываться от хранения национальных денежных запасов в долларовом эквиваленте и избавляться от долларовой массы.

Причины нынешних проявлений кризиса в так называемом передовом капиталистическом мире и в России разные. На Западе они носят фундаментальный характер и связаны с крушением той порочной модели развития, на которую эти страны делали ставку многие десятилетия.

В России ситуация выглядит совершенно иначе. *У нас нет кризиса государства и государственной политики.* Россия в основном завершила цикл восстановительного роста экономики после провала конца 80-х и 90-х годов и *к моменту начала мирового кризиса вышла в точку перехода к стратегии модернизации.* Под решение этих задач была определена долгосрочная стратегия действий, сформированы бюджетные возможности и национальные фонды развития.

В этом смысле фактор мирового кризиса ничего принципиально не меняет в системе базовых целей и задач социально-экономического развития, которые стояли перед нами. *Должен произойти только ускоренный переход к их реализации.*

Но для этого сначала нужно избавиться от двух наших «болезней».

Это, во-первых, монетаризм и принципы его экономической политики, которые идеологически всегда были связаны с финансовым капитализмом и нанесли серьезный вред развитию России.

А во-вторых, низкое социальное качество бизнеса и, соответственно, «бизнес-элиты» (об элитности в данном случае можно говорить только в кавычках), ее слабая ориентированность на задачи национального развития, слабая ответственность перед государством и обществом.

Монетаризм является наиглавнейшей причиной нашего кризиса. *Вместо модернизации производственной экономики, как это успешно делает Китай, мы, глядя на Америку, по самые уши вляпались в глобальный финансовый спекулятизм. Оплачивали свое участие в нем национальными резервами, инвестировавшимися на Западе. Наши резервы фактически возвращались к нам в упаковке глобального капитала и превращались в неподъемные долги.*

Национальная экономика многие годы находилась в условиях денежного дефицита. Подорванная монетаризмом, она не могла ответить адекватным предложением на рост внутреннего рынка, внутренний платежеспособный спрос. Зависимость от импорта росла и консервировалась. Мы не производили и такой товар, как хозяйственная инфраструктура. За последние десятилетия у нас не было реализовано ни одного государственного проекта национального масштаба по развитию экономики и ее инфраструктуры. Не появилось новых крупных промышленных производств, новых ГЭС, кораблей, самолетов.

Инфляция, дефицит товаров и импортозависимость, низкая скорость модернизации инфраструктуры и производственных мощностей – таков системный результат монетаризма. Как любой скупой, мы заплатили дважды: до кризиса экономии на инвестициях в развитие собственной экономики, а сейчас, в условиях кризиса, все равно вынуждены спустить сбереженные средства на текучку и затыкание дыр.

В условиях кризиса рецидивы политики монетаризма продолжают оставаться главной угрозой. Был сделан упор на спасение и поддержку банковской системы. Хотя банковская и,

более широко, финансовая система являются по своему характеру лишь «надстройкой» и должны быть лишь инструментом для обеспечения экономического равновесия.

Что было сделано в России в первую очередь? Величина ставки рефинансирования ЦБ РФ была поднята до 13%. Вместо того чтобы заниматься основным делом – кредитовать реальный сектор, банки полностью переключились на валютный рынок. Благо поиграть было чем: в дело пошли щедро розданные им деньги налогоплательщиков. Ставки по банковским кредитам были задраны до 25–30%. Реальный сектор получил остановку производства, но не пошел за кредитами по безумным ставкам, согласиться на которые значит фактически согласиться на самобанкротство. *Предприятия предпочли путь сокращения затрат, снижения уровня производства, увольнения людей.* Кредит умер. Почти умерло и производство.

Как говорят мировые экономисты, *когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов.*

Наша проблема заключается еще и в том, что при громадных доходах, профиците бюджета и финансовых резервах Россия в последние годы была очень крупным заемщиком на мировых финансовых рынках. Речь не о государстве, которое как раз с долговым наследием прошлого в основном расплатилось. Речь о российском, а точнее – новорусском бизнесе, корпорациях и банках, которые набрали дутых кредитов и наделали внешних долгов больше чем на 500 миллиардов долларов!

В 90-е годы люди, не умеющие управлять, получили в результате крайне выгодной для ее архитекторов приватизации почти все, чем обладала страна, – нефть, автозаводы, металлургические, химические и алюминиевые предприятия и много чего другого. И не смогли обеспечить их нормальную работу. А нормальный традиционный менеджмент, руководители-производственники, пусть с советским, но реальным трудовым опытом развития и финансирования промышленности, *был устранен.*

Наши либералы и приватизаторы могут, конечно, сколько угодно насмеяться над «красными директорами» и Госпланом, но эти самые директора и этот самый Госплан хотя бы знали, как работает промышленность, что, как и когда нужно делать, в том числе в условиях кризисов. И для этих людей нужды производства и недопустимость остановки промышленности и потери рабочих мест всегда были приоритетом – и экономическим, и моральным.

В 90-е годы, в том числе из-за патологического желания тогдашней власти выслужиться и изобразить прогрессивную «личину» перед Западом, нам выкатили когорту новоявленных «хозяев жизни» без реального производственного опыта, но с уникальными финансовыми аппетитами. Эти «капитаны» экономики ни разу не видели «моря», но готовы были взяться за руль любых финансовых потоков. Они были одеты в респектабельные костюмы, но рабочая спецовка им была чужда.

Слишком часто деньги, которые они занимали на Западе, шли вовсе не на развитие и модернизацию производства, а на спекулятивные операции или на покупку непрофильных акти-

вов. На игры в яхтсменов, медиамагнатов и футбольных специалистов. А национальное достояние, оторванное от государства в ходе приватизации, шло в залог этих игрищ.

Неумение этих людей заниматься реальной работой даже при очень больших деньгах – вот важнейшая из причин кризиса.

Сегодня нужно извлечь очевидные уроки из кризиса и на этой основе сформировать условия для скорейшего выхода из кризиса *с более сильными позициями.*

Первое. Главная оперативная задача – *перезапуск экономики, реального сектора.* Этого до сих пор не происходит из-за коллапса кредитования экономики (высокие ставки, пассивность и низкая социальная ответственность банков, «плохие долги»).

В этих условиях концентрация усилий монетарных властей (ЦБ и Минфин) на цели сдерживания инфляции и оправдание этим сохраняющегося «безденежья экономики» *опасны и вредны.* Созданная таким образом низкая инфляция будет надгробным памятником для производства, потребления, рабочих мест и доходов граждан.

Необходимо резкое снижение процентных ставок по кредитам, снижение ставки рефинансирования до уровня 6–8%. Ссылки на то, что высокая инфляция требует высоких ставок, неадекватны. Инфляция и ее размер прямо зависят от ставок. Высокие ставки разгоняют, толкают вверх инфляцию, поскольку производители начинают закладывать высокие ставки в цены.

Для выхода из кризиса экономике нужны максимально длинные и максимально дешевые деньги по «отрицательным ставкам», т.е. ниже инфляции. Отрицательные ставки будут сдерживать рост цен производителей.

Второе. Нужно выделить мультипликаторы восстановления экономики.

Помимо поддержки стратегических производств и оборонного комплекса (безусловная обязанность государства и защита суверенитета) такими секторами являются жилищное и инфраструктурное (дорожное, энергетическое и т.д.) строительство. Каждый дом или дорога – это *спрос на металл, на цемент, на лес, на технику и оборудование, на транспортные перевозки, на рабочие руки*. Это рабочие места, восстановление производства и зарплаты во многих отраслях.

Россия сегодня *строит в год 2–2,5 тысячи километров дорог, а необходимо на перспективу, по расчетам, еще 250 тысяч километров дорог*. Такими темпами мы будем строить необходимую инфраструктуру более 100 лет. Наш *годовой объем строительства дорог – это то, что Китай строит за 9 дней, максимум – за две недели*.

Период кризиса нужно использовать для того, чтобы ликвидировать то отставание по инфраструктуре, которое было накоплено в последние годы из-за непродуманных решений по уничтожению региональных дорожных фондов. Благодаря плану Рузвельта выход из депрессии 1930-х годов в США обеспечило именно строительство дорог, жилья, подъем автомобилестроения. Сейчас мы имеем в этом плане серьезные преимущества перед Штатами. То, что делал Рузвельт: строил жилье, дороги, автомобильную промышленность, – сегодня для Америки пройденный этап. У них все это есть. Нам же явно есть что строить и развивать.

Третье. Главным для модернизации страны является социальный, человеческий капитал. Новую экономику будут создавать люди – квалифицированные рабочие, инженеры, ученые. Своими руками, идеями, волей именно они будут придумывать и внедрять любые технологические инновации.

Поэтому социальная поддержка, социальная политика являются для государства безусловным приоритетом. *Россия является социальным государством.* Соблюдение этого конституционного принципа является *главным индикатором эффективности работы всех ветвей и уровней власти* в нынешних непростых условиях.

Государство обязано не допустить дальнейшего раскручивания так называемой *спирали Кейнса* (описана им как механизм Великой депрессии): *«падение спроса – падение производства – рост безработицы – отсутствие доходов у людей и новое падение спроса – и новый, еще более тяжелый круг того же самого».* Расходы государства есть в таких условиях не что иное, как доходы населения, потребительский спрос, рост инвестиций и производства. Это позволяет вырваться из дурной бесконечности спирали и восстановить экономику.

Необходимо поднять спрос. Причем быстро и радикально! Для этого необходима встроенная в федеральный бюджет государственная целевая программа, стимулирующая потребление через кредитование покупателя под минимальный процент и на максимально возможный срок. Целевые, «окрашенные» кредиты или субсидии должны выдаваться на приобретение товаров отечественного производства. Гражданам – на приобретение жилья, земельных участков, авто-

мобилей; малому бизнесу – на покупку техники, оборудования, приборов, на ипотеку офисов и так далее.

Задача задач – сохранить или дать людям работу, стабильную и с достойной оплатой. Если есть занятость значит, есть рост производства, все в порядке в семьях, есть бюджет и спокойствие в обществе. Главный метод борьбы с угрозой безработицы – это сохранение работоспособности экономики. Поддержка реальной экономики в условиях кризиса необходима не только для производства как такового, но и для того, чтобы не допустить рост безработицы, сохранить существующие и создать новые рабочие места.

Четвертое. Необходимо принять несколько дополнительных федеральных программ для повышения эффективности экономики. Первая из них – национальная программа по импортозамещению в производстве массовой продукции, повседневных товаров и товаров длительного пользования, в обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве. Нам нужен полноразмерный внутренний рынок национальной продукции в тех секторах, в которых мы способны производить качественные и дешевые товары. А таких секторов у нас масса, и их потенциал сильно недооценен. *Страна имеет 9% посевных площадей мира, а продукции сельского хозяйства производит немногим больше 1%*, обеспечивая себя продовольствием лишь наполовину. Страна, создавшая когда-то несметные флотилии гражданской авиации, сегодня выпускает практически только военные машины. Страна, добывающая нефть и газ, покупает за рубежом бытовую химию, полимеры, мыло. Даже подарки мы дарим друг другу *китайские*.

Нужна программа под лозунгом не только «Покупай», но «Производи и покупай *российское!*». Это будет иметь не только экономический, но и важный политический, патриотический эффект.

Например, в сельском хозяйстве и производстве продуктов питания мы имеем потенциал полного самообеспечения по зерну, мясу птицы, свинине, молоку, по большинству овощей. Москва только по своим агрохолдингам уже сегодня имеет 100% обеспеченности по птице и яйцу, 70% – по мясу, 57% – по зерну, 40% – по овощам. Мы можем кардинально снизить импортозависимость по говядине, при современных технологиях в разы увеличить производство кукурузы и иной кормовой базы животноводства.

Мы также просто **обязаны** хотя бы на время идти на жесткие защитные меры для отечественных производителей. Для этого у *России есть гораздо большие возможности, чем у стран, упакованных в ВТО, которая, кстати, вряд ли переживет нынешний кризис.* Это дает нам право принять любые экстренные меры по защите своего производителя от импорта *одноименных* материалов, техники, продовольствия в режиме, характерном для кризисных ситуаций.

Пятое. Мы не сможем развиваться и быть лидерами в мировой экономике, если не научимся беречь свои ресурсы.

Мы тратим слишком много ресурсов – энергии, воды, топлива, металла, дерева. Потенциал ресурсосбережения и снижения энергозатрат в промышленности **40–45%**. В ЖКХ только за счет технологического перевооружения ТЭЦ, снижения потерь тепломагистралей, новых стандартов строитель-

ства и капремонта жилья можно добиться снижения расхода тепла и энергии на **50%**. В целом в российском ЖКХ средний расход энергии составляет 229 КВт/на кв. м в год, а в странах ЕС – 77 КВт/на кв. м в год. Мы расходуете тепла, энергии и воды в 3 раза больше, чем Европа.

На ресурсосбережении мы сможем экономить нефть и газ и создавать *дополнительный экспортный потенциал*. Экспорт сэкономленных энергоресурсов и влияние на нефтяные цены способны дать еще 120–150 млрд долларов в год.

Ресурсосбережение способно привести к *экономии для конечных потребителей еще в 80 млрд долларов ежегодно*. Общий эффект энергосбережения может принести более 200 млрд долларов в год, и вся инвестиционная программа энергоэффективности России окупится за несколько лет.

Потенциал ресурсосбережения – это наше преимущество перед развитыми странами. У них уже многое в этом плане сделано, и резерв дальнейшего повышения энергоэффективности не так высок. Мы же в состоянии сделать здесь кардинальный рывок вперед.

Шестое. Для развития эффективность необходима и самому государству, государственному аппарату.

Армия российских чиновников насчитывает более миллиона человек и *в три с лишним раза превосходит по численности Сухопутные войска страны*. На самом деле чиновников еще больше. По официальным данным Росстата, если подсчитать всех-всех-всех, кто работает на сегодняшний день в органах государственной власти и местного самоуправления, то получится цифра в 1,67 миллиона человек. И это означает, что за последние

10 лет количество «слуг народа» самой разной масти в нашей стране выросло более чем в полтора раза.

У нас зашкаливает не только численность чиновников, но и чудовищное количество времени и сил, которые человек должен потратить на общение с чиновником. Громадное количество бумаг, которые нужно не просто получить, но выбить, чтобы иметь право что-то сделать. Запредельный уровень затрат, которые необходимо понести, чтобы, например, открыть свое дело.

Пример – строительство. Объемы и сроки согласований, их многоуровневость (федеральные и региональные) выросли за последние годы в 4 раза. В 90-х годах мы не имели денег на технологии, был развал экономики. Чтоб построить дом, надо было два года, но вместе с тем оформляли строительство всего за полгода. *Сейчас мы способны построить за полгода современное жилье на высоком технологическом и качественном уровне. Но на оформления уходит минимум два года.* В системе усложненных согласований развивается коррупция.

Создана целая армия дополнительных посредников, юристов, «специально обученных людей» по распутыванию согласований, составителей справок и отчетов. Эти «ответственные кадры» превосходят число тех, кто непосредственно занят производством, созданием продукта. *Мы плодим не соответствующую задачам развития экономики структуру производительных сил, где на каждого работника реальной производственной экономики приходится 2–3 чиновника, толкача, охранника.*

Все это *создает бюрократизированность системы принятия решений, хаотичность, громоздкость управления. Тормозит, сдерживает развитие страны, экономики.*

Чтобы перевернуть с головы на ноги управленческую пирамиду, необходимо отказаться от унитаризма и восстановить норму централизации/децентрализации в федеративной государственной системе.

Еще в начале 2001 года в рамках Государственного совета РФ вышел доклад, а затем и книга «Путь к эффективному государству. План преобразования системы государственной власти и управления в Российской Федерации». Сейчас, на новом и сложном витке развития страны, он не потерял своей актуальности.

Главное – принцип, в соответствии с которым *федеральный центр должен брать на себя решение только тех общегосударственных задач, которые он заведомо может решить лучше, чем региональные и местные органы власти.* Или когда становится очевидной необходимость «федерального вмешательства» в силу тех или иных особых обстоятельств или бездеятельности (неэффективности) местных властей. Во всех же иных случаях функции государственного управления должны осуществляться (с соответствующими ресурсами и ответственностью) на уровне власти не выше того, где можно обеспечить эффективность.

Те уроки и задачи кризиса, о которых шла речь, подводят к главному выводу, которым я хотел бы завершить свою лекцию.

Сегодня необходимо думать не только о выходе из кризиса, а надо закладывать стратегию долговременного развития

национальной экономики. Мы *не должны сегодня рассчитывать на то, что мировой кризис кончится скоро и что мы можем как-то его пережить* и, вновь дожидаясь эфемерного отрастания цен на нефть или восстановления глобальной финансовой системы. Это было бы больше, чем ошибка.

Нам следует, независимо от того, что там в действительности будет с нефтью через год или через два, строить отныне и всегда нашу политику, исходя из крайне низкой оценки нефтяной ренты и не уповая на нее. *Давайте научимся жить при условиях «30 долларов за баррель навсегда» и поймем то, что к 2030–2040 годам от нынешней роли нефти в мировой экономике, скорее всего, не останется и следа.*

Процесс модернизации нашей экономики должен идти более быстрыми темпами. Нам нужно создание принципиально новых производств, расширение современного производственного потенциала страны. Постиндустриальная эпоха не означает экономику без индустрии, а напротив опирается на нее как на первую, «разгонную» ступень любой новой технологической революции и нового экономического уклада. Поэтому для России главный вопрос сегодня – это настоящая сверхиндустриальная модернизация, т.е. создание новой индустрии и собственного массового (в том числе, импортозамещающего) товарного предложения для внутреннего и внешнего рынка товаров, технологий и услуг.

Только на этой базе, одновременно создавая задел для масштабной инновационной деятельности, *создания принципиально новых продуктов, процессов и технологий*, опираясь на расширенное воспроизводство нашего научного и образова-

тельного потенциала, мы сможем уверенно войти в шестой технологический переход и максимально использовать наши конкурентные преимущества в тех «областях прорыва», которые у нас есть.

В 20-е годы прошлого века выдающийся русский экономист Николай Кондратьев сформулировал модель больших циклов развития мировой экономики. Каждый из них создает свои «моторы» роста и качественного развития для системы, а *национальная конкурентоспособность отдельных стран зависит от способности если не возглавить, то оседлать волну нового уклада, те технологии и идеи развития, которые лежат в его основе.*

Пятый кондратьевский цикл перешел с нынешним мировым кризисом в свою финальную стадию. Скоро произойдет переход к новому, шестому технологическому укладу, который, скорее всего, будет вырастать из новой архитектуры мировых финансов и торговли («всемирный доллар» и ВТО нынешний кризис не переживут) и новых технологических моторов (био- и нанотехнологии, квантовые компьютерные технологии, новая энергетика).

Нам следует прислушаться, наконец, к нашему великому экономисту-соотечественнику и извлечь необходимые уроки. Если в 30-е годы прошлого века Советский Союз смог на сломе третьего кондратьевского цикла осуществить необходимую индустриальную модернизацию, то следующий переход в 70-е годы был страной позорно пропущен. Между модернизационной работой и нефтяной иглой экспортно-сырьевой экономики советские вожди выбрали последнее.

Фундаментальный вопрос сегодняшнего дня заключается в том, что чтобы «не выпасть из будущего» и не прекратить свое существование в качестве значимого субъекта мировой политики и экономики, страна не может себе позволить пропустить два технологических перехода подряд. Иначе говоря, *для России ближайшие 10–15 лет являются моментом истины и жестким экзаменом не только на глобальную конкурентоспособность, но и на «наличие будущего» как такового.*

БОЛЬШАЯ АНТИКРИЗИСНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Г.Х. ПОПОВ,

*президент МСЭ, президент ВЭО России,
президент Международной Академии менеджмента
академик РАЕН, д.э.н., профессор*

1. Россия перед выбором

Очень важная встреча «двадцатки» в Лондоне оказалась половинчатой. С одной стороны, в отличие от времен великого кризиса 1929 года, удалось избежать раскола и перехода к патриотическому обособленчеству антикризисных мер. С другой никакой радикальной стратегии преодоления породивших кризис финансовой экономики и однополярного мира не было выработано.

Такая половинчатость очень опасна – как и всякое неустойчивое равновесие. Вспомним историю.

Великий кризис 1929 года завершился выдвиганием и реализацией четырех стратегий.

Первая – стратегия стран империалистических сил, направленная на восстановление докризисного мира.

Вторая – альтернативная стратегия Сталина, воспользовавшегося кризисом, парализовавшим главных противников СССР, для материализации концепции ленинского государственного социализма.

Третья – стратегия Гитлера, тоже и выдвинувшего, и реализовавшего вторую альтернативу империализму – национал-социализм в его крайней, расистской интерпретации.

Четвертой стала стратегия «Нового курса» Рузвельта, искавшего третью альтернативу империализму – «Новый курс» на постиндустриальное общество, объединяющее преимущества и конкуренции, и государственного регулирования и тем самым преодолевающее главные пороки и империализма, и государственного социализма (и в его ленинско-сталинском, и в его гитлеровском вариантах).

Итогом таких взаимоисключающих вариантов преодоления кризиса 1929 года стала Вторая мировая война.

И вот кризис 2008 года. В условиях неустойчивого равновесия после Лондонской встречи у России есть две возможности.

Первая – осуществить серию антикризисных мер, **оставаясь в системе финансовой экономики.**

Вторая – выдвинуть и реализовать **свою стратегическую «большую» антикризисную программу.**

В первом направлении действуют и власти, и критикующая их оппозиция. Но, мне представляется, важно обсудить и второй вариант.

Как Сталин воспользовался Великим кризисом 1929 года?

Для решения своих трех главных проблем: ликвидации последнего антибольшевистского класса – крестьянства, для индустриализации страны, для радикальной чистки красной бюрократии с целью превращения ее в правящий класс государственного социализма.

Курс на индустриализацию был провозглашен Сталиным еще на XIV съезде большевистской партии. Но сколько бы

средств ни собирал Сталин, новой техники приобрести было негде – блокада. Кризис изменил ситуацию – капиталистические страны теперь были готовы не только продавать станки, оборудование, целые заводы, но даже многое поставлять в кредит.

Сталин эту готовность использовал сполна.

Все приобретения были согласованы в рамках единого пятилетнего плана индустриализации.

Были мобилизованы все возможные резервы – валюта от экспорта продовольствия колхозов, бесплатный труд миллионов эзков в лагерях ГУЛАГа, полное изъятие накоплений у действующих предприятий, жестко ограниченное нормами карточного снабжения потребление трудящихся и партмаксимум в оплате бюрократии. Сведение до минимального уровня расходов на Красную Армию. Вывоз за рубеж культурных ценностей страны – вплоть до картин Возрождения и колоколов Донского монастыря.

Подавляющая часть существующей в СССР промышленности не соответствовала мировому уровню. На ее нужды не было израсходовано ни рубля. На тех заводах и фабриках, где велось новое строительство, было два хозрасчета: для старого производства и для инвестиций – чтобы средства на индустриализацию не «утекали».

Главное, основное – строительство новой, тяжелой индустрии. Как целостной системы отраслей.

Сегодня нам тоже необходимо в центр антикризисной стратегии поставить не столько спасение утопающих – будь то банки, предприятия или граждане, сколько то, что обеспечивает не просто «выживание», а **будущее России в XXI веке.**

Россия начала XXI века – не СССР времен Великого кризиса 1929 года. У нас есть немало и передовых предприятий, и даже отраслей. Поэтому полное отрицание старой экономики в духе тридцатых годов неприемлемо. Но надо четко понимать, что, во-первых, основная часть нашей экономики отстала от современных требований, а производительность труда (и оплата его соответственно) отстает не менее чем в два раза. Во-вторых, соревнование, говоря образно, в давно освоенных другими странами видах промышленного производства не гарантирует России положения одной из великих держав XXI века.

2. Стратегия внутренняя

Поэтому кризис 2008 года должен стать «очистительной грозой». Давно необходимой. Разразившейся не по нашей воле. Но раз это произошло – надо кризис использовать. Освободиться от всех «камней на шее», да и от тех, кто возле этих «камней» «пригрелся». Чистку вместо нас выполнит кризис сам или при нашем «попустительстве».

Поэтому неприемлемо «спасение» чохом предприятий – даже ведущих в прошлом, даже заслуженных, даже системообразующих. А что действительно надо поддержать из существующего?

Современные, по мировым стандартам, предприятия. Или те, кто путем небольших «вливаний» или объединения с лучшими фирмами Запада и Востока быстро сможет достичь этих стандартов.

Помочь увеличить процент использования сырья – будь то нефтяные скважины или никелевая руда. Развить сельское

хозяйство с производством без удобрений и гербицидов «чистых» продуктов – самых дорогих в мире. Организовать переработку миллионов тонн естественного прироста наших лесов.

Что надо форсировать?

Отрасли будущего: солнечные батареи, ветровые, геотермические и приливные источники энергии, дешевые и экологически чистые средства связи – дирижабли и радиотелефоны. Условно говоря, блок нанотехнологий.

Но все эти направления (их можно назвать инновационным прорывом) – это соревнование с тем, что уже делают другие. Очевидно, что все это сохранит Россию как современную страну в XXI веке, но не сможет обеспечить ей роль великой державы. Ведь мы тут играем на чужом поле и по заданным на нем правилам игры.

Действительно великое будущее страны возможно, только если стратегию инновационного прорыва дополнить стратегией интеллектуализации России, курсом на превращение ее в один из главных мировых центров теоретической, фундаментальной науки. Она имеет базу (пока еще не разрушенную) для превращения России в XXI веке в один из ведущих центров теоретической науки и интеллектуальной культуры.

Опыт показывает, что даже самые развитые страны – та же Япония – так и не смогли стать центрами теоретической науки. А Россия – в силу ряда факторов – может.

Что это за факторы? Это – длительное развитие всего взаимосвязанного спектра наук, всего блока теоретических исследований. Ориентированное на интеллектуальное разви-

тие молодежи образование. Интеллектуальная культура России, десятки лет чуждая «массового спроса», «гламурности» и «примитивизации» (преступно насаждаемая сегодня предпринимателями от государственного телевидения). Многонациональность нашей культуры и многое другое.

Именно для интеллектуализации надо использовать главные антикризисные средства.

Пусть наши учителя получают больше всех в мире и преподают на таком уровне, в таких школах, о которых мечтали бы дети и родители стран СНГ, стран бывшего соцлагеря, других стран мира.

Пусть у нас останется 100 вузов, но опять-таки они будут лучшими в мире, цель всякого амбициозного молодого человека.

Пусть останутся 100 научных центров, но это будут места, работа в которых будет мечтой ученого. Создала же когда-то Екатерина II такие условия, что даже великий Эйлер переехал в Россию.

Именно такая Россия может в XXI веке сохраниться не только как благополучная и процветающая страна, но и как великая держава.

3. Возможна ли новая внутренняя стратегия?

Есть ли у нас резервы и возможности для того, чтобы Россия выходила из кризиса 2008 года на путях интеллектуального и инновационного прорыва?

Прежде всего у нас есть значительные валютные накопления. И у государства. И у частного сектора. И у граждан.

Если разумно использовать государственные валютные резервы, если не терроризировать бизнес, а сделать его полноправным партнером, если создать стимулы для граждан – возможности появятся огромные. Например, для создания частных научных центров, частных образовательных школ и вузов, частных учреждений культуры.

Второй резерв – жесточайший режим экономии во всех отраслях, которые не вписываются в стратегию. Будь-то промышленность, развлекательные виды культуры, вся сфера роскоши и даже Олимпиада.

Третий резерв – прекратить доставшийся нам в наследство от советских времен собес.

Зачем нужно строительство бесплатного жилья? Чтобы обеспечить им депутатов и бюрократию? Чтобы одним бесплатно квартира доставалась в престижных районах города, а другим – на выселках? Чтобы сохранить рабочие места для тысяч бюрократов, занятых «увлекательным» делом распределения бесплатных квартир и иметь рычаги власти у «административного ресурса»? Инвалидам и офицерам проще выдавать деньги на покупку жилья.

Зачем нужно бесплатное лечение? Чтобы содержать целое управление при Кремле? Неимущим гражданам проще оплачивать посещение платных клиник, а другим гражданам помогать деньгами или льготным кредитом при действительно дорогих видах лечения и лекарствах.

Зачем нужно бесплатное высшее образование? Чтобы в элитных вузах, финансируемых в разы больше остальных, бесплатно обучались студенты из семей влиятельных пап, мам,

дедушек и тетушек? Если молодой человек способный, пусть получит кредит – долгосрочный и беспроцентный. Перешел же Китай к полностью платному высшему образованию.

Наш «собес» с головы до пят замазан грязью советских «фондов общественного потребления», призванных заставить граждан подчиняться начальству и угодничать перед ним.

Четвертым резервом для большой антикризисной стратегии России являются «накопления» всей российской науки и культуры, лучшая часть советского наследства.

Пятым резервом является активизация малого и среднего бизнеса. Этого резерва не было в тридцатые годы. Финляндия очень эффективно поощряет участие малого бизнеса в инновациях.

Шестой резерв – традиционные для нашей страны интернационализм, религиозная терпимость, отторжение всякого рода фанатизма. Это будет привлекать в Россию таланты со всего мира.

Седьмой резерв – это то, что дает пусть урезанная, пусть порой формальная и фиктивная, но все же существующая в России демократия, даже в ее «управляемой» версии. Разумеется, в будущем понадобится демократия постиндустриального общества, принципиально отличающаяся от популистской демократии финансовой экономики. Невозможно интеллектуальное развитие без соответствующих ему форм демократии. Но для старта нынешней демократии достаточно.

Восьмой резерв – мировой кризис. Он позволяет нам приобретать по приемлемым ценам, а то и в кредит самое современное

менное оборудование, самое современное оснащение для НИИ, вузов, школ. Привлекать талантливых людей из тех, кто стал за рубежом безработным или серьезно ухудшил свое положение.

Девятым, печальным резервом является наша главная беда – пассивность основной части народных масс. Они не окажут серьезного сопротивления неизбежным непростым мерам.

Десятым, тоже печальным, но резервом является достаточная устойчивость и независимость от кого-либо нашей бюрократии, особенно ее верхушки. Эта независимость, грозящая в целом многими бедами, имеет и другую сторону медали: власть может проводить долгосрочную политику, жестко следовать избранной стратегии.

Интеллектуальный и инновационный прорыв предполагает гигантское усиление роли российского государства.

Но не превратятся ли наша бюрократия и ее номенклатура в еще более самостоятельную силу, чем даже теперь? Ведь большая независимость бюрократии в конце концов – и это показывает весь опыт государственно-бюрократического социализма – ведет к тому, что она сосредотачивается на собственных интересах и все больше отдаляется от того, ради чего ее создавали и укрепляли. Не возродит ли усиление государства, в конце концов, сталинско-советский вариант обеспечения прорыва – вплоть до репрессий?

Если есть необходимость и есть опасности, то надо, идя навстречу необходимости, создавать гарантии против опасностей.

Первое. Необходима серьезная реконструкция, даже перестройка всей нашей государственной машины с целью ее ориентации на прорыв.

Второе. Необходимо существенное усиление современных, демократических форм и методов работы и государства, и бюрократии. Например, умная политика позволит на каждый рубль государственного воздействия вовлечь в прорыв три, пять, десять негосударственных рублей.

Третье. Необходимо серьезное расширение всех небюрократических механизмов гражданского общества. И для обеспечения прорыва. И для контроля над бюрократией.

Деньги, выделяемые на интеллектуализацию и инновацию страны должны распределяться и расходоваться при активном участии гражданских организаций, организаций бизнеса, а во многом вообще без бюрократии. Иначе трудно будет предотвратить перерастание заботы об интеллектуализации в контроль над интеллектуализацией, превращение денег на прорыв в «наращивание мускулов» административного ресурса.

И самое главное. Необходима замена популистской демократии общества финансовой экономики новой демократией постиндустриального строя, в котором главным классом является интеллигенция.

Все это очень трудно, но другого пути у России нет.

4. Внешняя стратегия

Какой будет внешняя среда, окружающая Россию в XXI веке?

Разумеется, это не будет мир, который мы хотели бы иметь. Надо исходить из того, что окружающий Россию мир

будет строиться по своим законам и выступать для нас как нечто данное. Главным объективным фактором этого внешнего мироустройства является сегодня **глобализация**.

Но в рамках этого объективного для нас мира мы и можем, и должны искать наиболее приемлемый для нас вариант его устройства. Условно говоря, иметь российское понимание, российскую интерпретацию глобализации и проводить соответствующую политику.

Человечество прошло и этап изолированного развития отдельных стран, и отгороженных Великой Китайской стеной могучих империй. На наших глазах сформировалось Европейское сообщество, с новой интерпретацией национальной независимости входящих в него стран, с парламентом и правительством, с единой валютой – евро, со значительными объемами общих законов и правил.

Конечно, мы бесконечно далеки от того, чтобы – говоря словами Владимира Маяковского из его стихотворения о Нетте – «в мире без России, без Латвий, жить единым человечьем общежитьем». Бесконечно далеки и от единого языка. И от общей экуменической веры в единого бога. Но одно ясно: необходим – и кризис 2008 года, вероятно, является первым предупредительным звонком – серьезный шаг в сторону интеграции нашей планеты.

Этот шаг должен быть **глубоко демократичным**. Демократия означает волю большинства и учет интересов меньшинства.

Национальное в странах остается главным, но страны должны пойти на серьезные ограничения своего суверените-

та. Ведь договариваются же ради проведения общих соревнований о единых правилах национальные спортивные организации. А тут речь о судьбе человечества!

Какие, на мой взгляд, уже назревают меры общего устройства мира?

Прежде всего очевидна необходимость в независимой мировой валюте.

Необходимо серьезное ограничение национальной самостоятельности в вопросах ядерной энергетики, ядерного оружия, ракетно-космической деятельности. Здесь нужен глобальный контроль человечества. Под глобальный контроль должны перейти богатства недр планеты, вопросы ее климата и охраны окружающей среды.

Необходима мировая программа выравнивания уровня жизни на всей планете, программа борьбы с бедностью.

Этот новый этап глобализации невозможен без серьезного обеспечения.

Необходима новая Организация Объединенных Наций, членами которой будут три десятка крупных стран, а остальные войдут в нее, предварительно образовав союзы.

Необходим избираемый Мировой парламент.

Необходимо и Мировое правительство с какими-то своими вооруженными силами и своей полицией.

Необходимы независимые от Мирового правительства: *Мировое ядерное агентство, Мировое космическое агентство, Мировой банк, Мировой суд и т.д.*

Нужна и Мировая система *независимой информации*, прежде всего телевидение, радиовещание, Интернет.

Меня радует и вдохновляет, что к похожим на мои выводы приходят многие серьезные аналитики. Приведу слова президента Казахстана Н.А. Назарбаева: «Надо иметь смелость признать, что мы находимся на рубеже создания радикально новой, по-новому построенной модели мировой экономики, политики и глобальной безопасности».

Меня обнадеживают и слова президента Обамы в одном из его выступлений: «Мы не должны прислушиваться к тем, кто считает, что мир не может измениться. Мы должны это сделать. Наш лозунг – «Да, мы можем!»

5. Выгодно ли России?

Если в отношении внутренней стратегии высказываются опасения либерального толка, то в отношении внешнеполитической чаще всего высказываются опасения национально-патриотические.

Меня упрекают: предлагая вариант глобализации, я хочу лишить Россию ее нынешних главных козырей – ракетно-ядерного и нефтегазового.

Это козыри. Я согласен. Но как их использовать? Играть до проигрыша? До ситуации, когда у многих стран будут бомбы и ракеты? Когда спрос на углеводородное сырье упадет?

Вывод один: если мы сейчас своими козырями эффективно не сыграем – мы ничего крупного в перспективе не получим.

Вспомним 1989 год. Козырей у нас было четыре: соцлагерь, СССР, ракеты и ядерное оружие, нефть и газ.

Если бы в 1989 году отказались от соцлагеря и ГДР, получили бы не менее 500 миллиардов долларов: и сразу, и по-

степенно. И в натуре, и в виде заводов. Если бы в 1989 году отказались от Прибалтики и трех кавказских республик – получили бы еще 500 миллиардов. Одного триллиона долларов было бы достаточно для менее болезненного выхода из социализма.

Но и лидеры СССР, и лидеры России в составе СССР испугались масштабной политики. И что получилось? Нет ни соцлагеря, ни СССР. Но нет и денег.

Уроки эти надо учесть.

Национальный интерес России – действовать по-крупному, масштабно, немедленно. Сейчас надо бросать оставшиеся у нас козыри – и ракетно-ядерный, и сырьевой – в крупную игру. Это значит попытаться устроить новый мир так, чтобы по максимуму получить выгоды от участия в его строительстве.

И национальный интерес Китая требует начала усилий в области глобализации. Не случайно Китай уже выступил с идеей независимой мировой валюты.

США, если серьезно подумают, то и им выгодно начать устройство нового мира сейчас: тоже в виду очевидных перспектив получить весомые «квоты» в новом сообществе в силу сегодняшних «козырей» США.

Малые станы выиграют, несомненно, – как выиграли эти страны от Европейского сообщества, на вступление в которое выстроилась их очередь.

Страны, вывозящие сырье, в ходе глобализации получают устойчивость и независимость от скачков цен. Они потеряют контроль над недрами, но у них появится узаконенная весо-мая рента.

Конечно, будут и противники. Это прежде всего те, кто готовится к роли великих держав. Но зачем ждать, пока они создадут свое ядерное оружие и свои межконтинентальные ракеты? Можно учесть их разумные амбиции и без этого.

Стратегия интеллектуального и инновационного выхода из кризиса должна стать общей стратегией России.

И Кремля, и Белого дома. И государственной машины на всех уровнях. Всех трех ветвей власти.

Конечно, нет никакой необходимости в беспощадности и жестокости сталинского давления на народ и на бюрократию. Но для власти необходимы и **твердость курса**, и его **неуклонная последовательность**.

Стратегия интеллектуального и инновационного прорыва отвечает коренным интересам и русского народа, и всех народов и национальностей России. Именно она будет спланировать многонациональную страну.

Стратегия прорыва должна стоять сверхплатформой и прорывающей партии, и оппозиции – правой и левой, парламентской и внепарламентской. Всех сил общества, самых далеких от власти. Всех религиозных конфессий и атеистов. Всех честных и ответственных граждан России.

Разногласия в демократическом обществе необходимы и, более того, обязательны и полезны. Но на базе и в рамках общей национальной сверхстратегии.

Надо понимать, что если откладывать будущее, то в этом будущем вряд ли будет приемлемое место для великой России.

Если мы в Россииотреагируем на кризис 2008 года в двух направлениях: внутренняя стратегическая линия – на интел-

лектуализацию и инновации и внешняя – на отвечающий интересам России вариант глобализации – будущее страны и ее народов, будущее наших детей и внуков будет обеспечено.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Д.Е. СОРОКИН,

*член правления ВЭО России, первый заместитель
директора Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор*

Дискуссия об истоках нынешнего мирового экономического кризиса и мерах экономической политики, позволяющих включить механизмы перехода к позитивным показателям экономической динамики, – приоритетная тема научных дискуссий в экономической науке. Однако для России эти дискуссии носят в основном теоретический интерес.

Во-первых, размеры экономики России в рамках мирохозяйственной системы таковы, что она вряд ли сможет не только сыграть роль одного из локомотивов глобального экономического роста, но и чем-либо существенно помочь (если не считать интеллектуальной помощи) тем, кто может стать такими локомотивами (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля ведущих стран в мировой экономике в 2007 г. (%)

Страны	ВВП по ППС	Финансовые рынки		Рынки товаров		Рынки услуг	
		Капитализация	Инвестиции	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
США	21,1	36,1	23,6	8,4	14,2	13,9	11,0
Англия, Германия, Италия и Франция вместе взятые	13,7	14,4	17,5	20,1	19,7	21,5	22,0
Китай	10,9	5,7	10,6	11,3	9,4	6,4	5,5
Япония	6,6	10,1	11,3	5,1	4,4	4,2	5,1
Индия	4,6	1,7	2,4	1,0	1,5	2,7	2,6
Россия	3,2	2,8	1,5	2,6	1,6	1,2	1,9
Бразилия	2,8	1,5	1,6	0,9	0,7	0,7	1,1

Источник: Рогов С. Мировой финансовый кризис: последствия для системы международных отношений. Доклад на собрании ООН РАН. Декабрь 2008 г.

Во-вторых, источником российского кризиса является сложившаяся структура российской экономики. Мировой экономический кризис лишь обнажил диспропорции, неминуемо ведущие к ее деградации, и те, которые были лишь временно «купированы» мировым экономическим ростом первой половины 2000-х гг.

Прежде всего речь идет о том, что в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год названа основной проблемой российской экономики «очень высокая зависимость от экспорта природных ресурсов. ...Ключевую роль в экономике все еще играет нефтегазовый экспорт, экспорт иного сырья, металлов». Иллюстрацией этого положения служит табл. 2.

Таблица 2

Динамика восстановления экономики России

Показатели	Базовый год	2008 г. в % к базовому
ВВП	1989	108,0
Промышленность	1989	77,6
Сельское хозяйство	1989	83,6
Инвестиции в основной капитал	1990	64,5

Примечание: базовый год – последний год роста.

Источники: Расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. С. 279, 396, Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 323, 438, 659; Россия в цифрах. 2008. Крат. стат. сб. / Росстат – М., 2008. С. 41, 42, 43; Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 36; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. М.: Росстат, январь 2009. С. 3, 4, 22, 29; Вопросы статистики. 2006. № 12. С. 57.

Восстановление докризисного (1990-х гг.) объема ВВП России произошло при отставании базовых отраслей экономики (промышленность и сельское хозяйство) на пятую часть, а объе-

ма инвестиций в основной капитал – на треть от докризисного уровня. Главным же источником роста ВВП и, соответственно, благополучия граждан (реально располагаемые денежные доходы населения составили по отношению к базовому 1991 г. 140,5% [8]) стали благоприятные конъюнктурные изменения мировых рынков на традиционные сырьевые и полусырьевые продукты российского экспорта. Если в ходе кризиса 1990-х гг. среднегодовая цена барреля нефти марки Urals снизилась с \$19,0 в 1991 г. [1] до \$11,9 в 1998 г. [1] (низшая точка кризиса), т.е. на 37,4%, то к 2007 г. она составила \$69,3 за баррель, т.е. приросла по отношению к 1998 г. в 5,8 раза [5]. Однако в ходе нынешнего кризиса с середины 2008 г. началось падение нефтяных цен, в результате чего цена нефти марки Urals в четвертом квартале оказалась на 54,3% меньше, чем во втором. Соответственно проявилась зависимость роста ВВП от экспортной цены нефти (см. табл. 3).

Таблица 3

**Поквартальная динамика прироста ВВП
(2008 г. в % к 2007 г.) и цены на нефть
марки Urals (\$/баррель)**

Кварталы	I	II	III	IV
ВВП	8,5	7,7	6,2	1,1
Нефть	93,6	117,3	112,7	53,6

Источник: Набиуллина Э. Уточненный прогноз социально-экономического развития на 2009 год. Слайды. Доклад на заседании Президиума Правительства РФ. 19 марта 2009 г.

Аналогичным образом сложилась ситуация с продукцией металлургической промышленности, где с середины 2008 г. цены снизились на 45%.

Дело не в якобы гипертрофированном развитии энерго-сырьевого комплекса. Темпы его роста отражают естественные конкурентные преимущества российской экономики. Дело в том, что одновременно не происходит адекватное потребностям устойчивого роста развитие перерабатывающих отраслей, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, и прежде всего машиностроительных производств (см. табл. 4).

Таблица 4

Индексы производства по видам экономической деятельности (1991 г. = 100%)

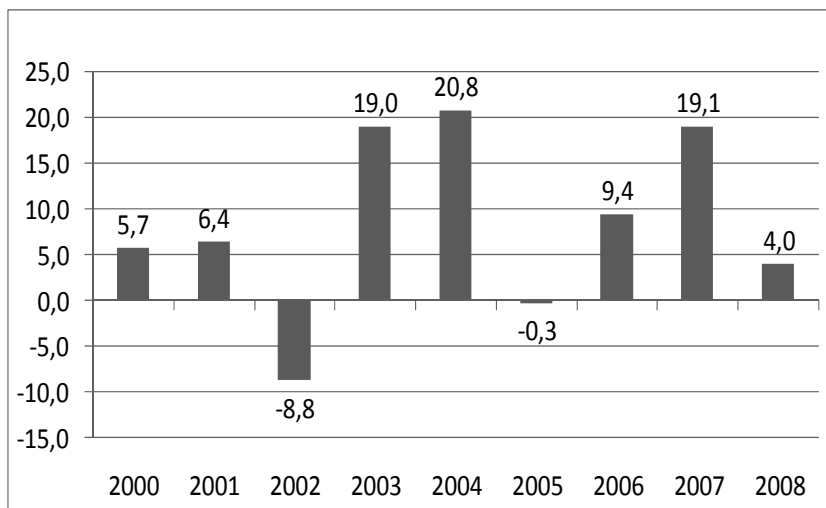
Годы	2000	2008
Добыча полезных ископаемых	74,3	103,6
в т.ч. топливно-энергетических	80,9	116,4
Обрабатывающие производства	51,0	84,4
Машины и оборудование	32,3	60,9

Источник: расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 369; Россия в цифрах. 2008. С. 201, 203; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. С. 5, 18; Информация о социально-экономическом положении России. 2008 год. М.: Росстат, 2009. С. 15, 17.

Отставание в производстве машин и оборудования нельзя объяснить ссылками на «постиндустриальные» тенденции. Доля продукции машиностроения и металлообработки в раз-

витых странах составляет 30–50% объема продукции промышленности, в то время как в России – 19% [6]. При этом динамика производства машин и оборудования характеризуется крайней неравномерностью. Так, Минэкономразвития России прогнозирует падение объема производства в машиностроении в 2009 г. на 8,3% [3]. Однако аналогичная ситуация складывалась в этой отрасли и в докризисный период (см. график 1).

График 1. Динамика производства машин и оборудования в % к предыдущему году

Источники: Российский статистический ежегодник. 2006. С. 369; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. С. 18.

В результате отставания машиностроительного комплекса главным ограничителем экономического роста

стала отсталая технологическая база производства. Как показал проведенный в середине лета 2006 г. опрос Российским экономическим барометром, каждое третье промышленное предприятие в качестве ограничителя своего роста назвало отсутствие надлежащего оборудования [7]. Отсюда, справедливо отмечаемая в антикризисной программе недостаточная «конкурентоспособность несырьевых секторов экономики. Когда начались проблемы в сырьевых секторах, не нашлось отраслей, способных «поддержать» экономику».

По сути, экономический рост России в расширенном масштабе воспроизвел советскую структуру экономики, обрекшую страну на поражение в глобальной конкуренции и потому исторически бесперспективную.

Наконец, речь идет о серьезной диспропорции в объемах внешнего и внутреннего финансирования экономического роста. В выступлении министра Минэкономразвития России на заседании Президиума Правительства РФ 19 марта 2009 г. отмечалось, что «приток капитала из-за рубежа финансировал... до 15% общего объема инвестиций в основной капитал. ...За счет иностранных заимствований в настоящее время профинансировано около 30% суммарной кредитной задолженности российских предприятий и граждан» [3].

При этом следует иметь в виду, что дело здесь не в абсолютном дефиците финансовых ресурсов. За годы экономического роста в стране были накоплены третьи по размерам в мире финансовые резервы (см. табл. 5).

Таблица 5

Международные валютные резервы

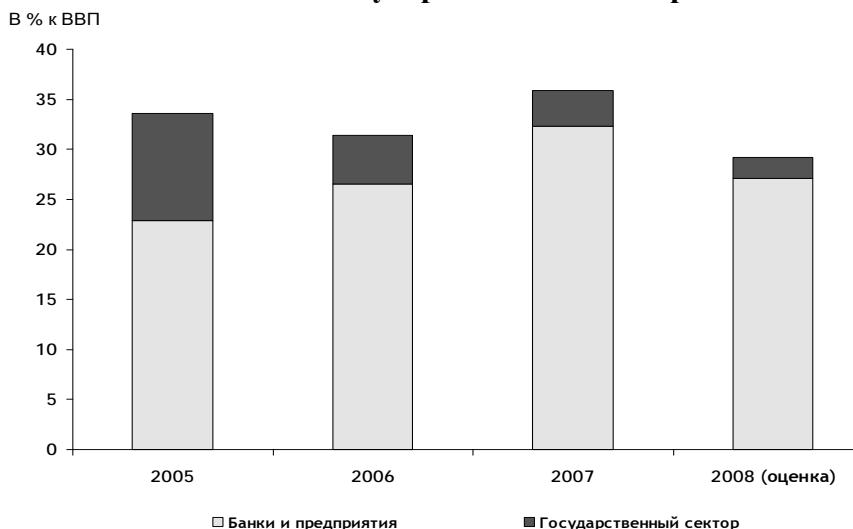
СТРАНЫ	\$млрд	%
<i>Мир</i>	7410,7	100
Китай	2000,0	27,0
Япония	977,7	13,2
Евросона	530,1	7,2
Россия	455,7	6,2
Тайвань	278,1	3,8
Индия	245,8	3,3
Бразилия	207,5	2,8
Республика Корея	200,5	2,7
Сингапур	168,8	2,3
Гонконг	160,5	2,2

Источник: Рогов С.М. Указ. соч.

Однако сложившаяся система финансовых институтов привела к тому, что, как отмечается в Программе антикризисных мер, «многие российские предприятия, особенно быстро развивавшиеся в последние годы, выходявшие на внешние рынки, не могли рассчитывать на финансирование внутри страны. Кредиты российской банковской системы были дороже, сроки кредитования – меньше. Компании вынуждены были занимать за рубежом».

В результате высокими темпами росла задолженность российских компаний перед зарубежными кредиторами. На заседании Президиума Правительства РФ 19 марта 2009 г. отмечалось, что за последние 3 года внешний долг российских компаний и банков вырос со \$175,1 до \$497,8 млрд (см. график 2).

График 2. Динамика внешней задолженности частного и государственного секторов

Источник: Набиуллина Э. Указ. соч.

Хотя, как отмечалось на заседании, «по сравнению с другими странами внешняя задолженность частного сектора (почти 30% ВВП) относительно невелика, а в государственном секторе и вообще минимальна (2% ВВП). Тем не менее даже такой объем накопленных долгов в условиях прекращения внешнего рефинансирования и обесценения активов стал существенным кризисным фактором в российской экономике» [3].

При этом основная доля зарубежных кредитов приходилась как раз на предприятия сырьевого сектора, как наиболее быстро развивающегося и прибыльного. Таким образом, сокращение возможностей кредитного заимствования повлекло первоочередное торможение именно тех отраслей, на разви-

тии которых, как было показано выше, и основывался предшествующий экономический рост.

В выступлении министра Минэкономразвития России на этом заседании отмечалось, что «мировой кризис вновь обнажил системную уязвимость нашей модели экономического развития – чрезмерную зависимость от экспорта сырья и колебаний цен на топливо и сырье, дефицит «длинных денег» внутри страны, компенсируемый заимствованиями за рубежом. Это стало одной из основных причин того, что спад в России сильнее, чем в большинстве развитых стран» [3].

Нынешний экономический кризис индустриально развитых стран порожден «сдуванием финансовых пузырей» глобальной экономики, на существовании которых базировалось финансирование их экономического роста. Российский же кризис – есть результат сложившейся воспроизводственной модели, которая, с одной стороны, характеризуется низкой конкурентоспособностью обрабатывающих отраслей, ведущей к «сырьевому перекоосу» экономики, в результате чего ее динамика зависит от мировой конъюнктуры на мировых энерго-сырьевых рынках. С другой – деформированностью денежно-кредитной системы, что ставит ее в зависимость от возможностей внешнего кредитования.

Естественно, что в период кризиса на первый план выходят «защитные» мероприятия, позволяющие минимизировать его негативные социально-экономические последствия.

В принципе осуществляемые в этой области меры правительства позволяют прогнозировать, что, несмотря на замедление роста (падение) ряда важнейших социально-экономических показателей, в 2009 г. не следует ожидать каких-либо катастрофических сценариев (см. табл. 6).

Таблица 6

Социально-экономические показатели, % к 2008 г.

Показатели	2007 (факт)	2009 (прогноз)		1998 (факт)
		ИЭ РАН	Минэконом- развития	
ВВП	94,7	100,2	97,8	51,6
Промышленность	97,9	92,7	92,6	55,9
Сельское хозяйство	90,3	94,2	98,3	64,6
Инвестиции в основной капитал	91,7	102,1	86,2	32,7
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю)	113,3*	114,1	113	184,4**
Реальные располагаемые де- нежные доходы населения	97,4	100,7	91,7	45,2***
Цена нефти Urals (\$/баррель)	69,3****	44,6	41	11,9

* 2008 г. к 2007 г. ** 1998 г. к 1997 г. *** В 1999 г. реальные располагаемые денежные доходы населения сократились еще на 12,3%. **** 2004 г. – 34,4.

Источники: расчет по данным: Российский статистический ежегодник. 2001. С. 279, 396; Российский статистический ежегодник. 2005. С. 323, 438, 659; Россия в цифрах. 2008. С. 41, 42, 43; Россия 2007: Стат. справочник. М.: Росстат, 2007. С. 43; Российский статистический ежегодник. 2008. С. 36; Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. С. 3, 4, 22, 29, 51, 113; Вопросы статистики. 2006. № 12. С.57; Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2009 год и плановый период 2010 и 2011 годов. Минэкономразвития России, август, 2008 г.

Основные показатели социально-экономического развития Российской Федерации до 2009 г. Минэкономразвития России. Март 2009 г.;

Н. Райская, А. Френкель. Год под ноль // Финанс. № 3. 2009. С. 33.

Ныне же ситуация выглядит с экономической точки зрения несомненно более устойчивой. Финансовые резервы, которыми располагает Россия при условии их рационального использования, видимо, позволят «продержаться» до окончания кризисных явлений в экономически наиболее развитых странах. Поэтому гораздо больший научный интерес представляет не столько анализ развития собственно кризиса, сколько прогнозирование посткризисного развития российской экономики.

В этой связи следует отметить, что ограничение экономической политики целью «продержаться до окончания мирового кризиса» в ожидании, когда переход к росту главных центров мирового экономического развития повысит спрос (и соответственно цены) на традиционные товары российского экспорта (энергоресурсы, металлы) – траектория «следования на буксире за тягачом», на чем и строилось экономическое благополучие страны последние 10 лет, неизбежно сохранит сложившуюся в России структуру сырьевую структуру общественного воспроизводства и, следовательно, зависимость экономической динамики страны от динамики мировой конъюнктуры энерго-сырьевых рынков со всеми вытекающими рисками. Таким образом, российская антикризисная политика не может ограничиваться лишь «оборонительными» мероприятиями.

Отсюда логичным выглядит вывод Программы антикризисных мер, что «России для выхода из кризиса и обеспечения долгосрочного устойчивого развития необходимо найти внутренние источники роста». Таким источником – и это

справедливо отмечается в антикризисной программе – является формирование воспроизводственного вектора, выводящего российскую экономику на траекторию инновационного роста, что определено в качестве важнейшей цели Концепции социально-экономического развития России до 2020 г.

Однако нелишне вспомнить, что аналогичная цель была сформулирована еще в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, разработанном в 2000 г. на период до 2010 г., где инновационный рост был назван главным условием поддержания конкурентоспособности отечественной экономики, переход к которому предполагалось начать в 2007 г. Соответствующие задачи ставились и в последующем периоде в трехлетних программах-прогнозах правительства. Однако сколь-нибудь значимых сдвигов в этом направлении не только не произошло, но, напротив, «сырьевой перекос», характерный для воспроизводственного комплекса СССР и ставший одной из причин его кризиса, еще более углубился (см. табл. 4).

Что же касается «инновационной составляющей» российской экономики, то здесь вообще отсутствуют сколь-нибудь значимые результаты. По различным оценкам удельный вес России в мировой торговле технологиями и наукоемкими товарами не превышает 0,2–0,8% против 36% США, 14% Республики Корея, 6% Китая, а всей продукцией машиностроения – 0,4–0,5 [4]. Согласно исследованиям консалтинговой компании THE PBN Company, лишь 3% зарубежных инвесторов испытывают интерес к России как месту проведения научных исследований, технологического сотрудничества и инновацион-

ной деятельности, в то время как 79% рассматривают Россию прежде всего как рынок сбыта продукции и услуг [10]. По оценке ИНХП РАН, в перспективе Россия вынуждена будет приобретать за рубежом до 60% технологий [2].

Дальнейшее развитие по такой траектории в современном мире неизбежно поведет Россию по пути превращения из субъекта в объект глобальных политико-экономических отношений, что иллюстрируется динамикой торговых отношений России и Китая. Их общий объем с 2000 по 2007 год увеличился в 5,5 раза, достигнув \$40,2 млрд (по данным КНР – 48). Доля КНР во внешнеторговом обороте России увеличилась с 5% (6-е место) до 7,3% в 2007 г. (3-е место после ФРГ и Нидерландов) [9]. Одновременно радикально изменилась структура товарооборота, отражая движение России в сторону сырьевого придатка глобальной экономики (см. табл. 7).

Таблица 7

Товарная группа	1998 г.		2007 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Минеральное топливо, нефть, нефтепродукты	3,2	-	42	-
Машины и оборудование	25,3	5,2	7	54
Изделия из кожи	-	23,9	-	4

Источник: ИДВ РАН.

Выступая на расширенном заседании Госсовета РФ 8 февраля 2008 г., посвященном задаче разработки Концепции развития до 2020 г., тогдашний Президент, ныне Председатель Правительства РФ, В. Путин отметил, что «не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития. ...И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров. Следуя этому сценарию, мы не добьемся необходимого прогресса в повышении качества жизни российских граждан. Более того, не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения».

Соответственно возникает вопрос: что помешало реализовать планы перехода к инновационному типу экономического роста? В ответе на него, по-видимому, и содержится ответ на вопрос, что делать для осуществления такого перехода.

Среди причин, по которым до сих пор не удавалось осуществить модернизационный сценарий, называются такие, как искусственная стерилизация ресурсов, необходимых для такого перехода, и недостаток политической воли для их мобилизации в этих целях.

В этой связи нелишне вспомнить, что задача перехода на модернизационный (инновационный) тип воспроизводства для российской экономики имеет достаточно давнюю историю. С середины 1960-х годов она формулировалась как задача

перехода от экстенсивного к интенсивному типу экономического роста на основе ускоренного внедрения достижений научно-технического прогресса. Однако, несмотря на все усилия, в том числе и концентрацию государственных ресурсов, эта задача так и не была решена, что привело к проигрышу России в глобальном экономическом противостоянии и явилось, в конечном счете, материальной основой последующего общесистемного кризиса.

Фундаментальной причиной невосприимчивости советской экономики к инновационным сдвигам были не нехватка ресурсов и недостаток политической воли. И советская, и зарубежная экономическая наука сходились в том, что экономические системы советского типа порождают систему интересов субъектов хозяйствования, отторгающую нововведения. Проще говоря, в сложившейся системе экономических отношений риски инновационного развития существенно превышали риски невыполнения заданий по «внедрению инноваций». Неоднократные попытки (1965 г., 1979 г.) модернизации этой экономической системы не давали результата, поскольку не затрагивали ее основ. Потому в конце 1980-х гг. и был сформулирован вывод о необходимости радикальной экономической реформы.

Сегодня мы имеем иную экономическую систему, опирающуюся на рыночные механизмы. Прошедшее десятилетие экономического роста – такой период, когда в динамике и содержании воспроизводственных процессов проявляется действие не только конъюнктурных факторов. Начинают обозначаться фундаментальные закономерности сложившейся системы экономических отношений. Поэтому правомерна гипотеза, со-

гласно которой отсутствие ощутимых позитивных сдвигов в переходе на модернизационный (инновационный, интенсивный и т.п.) тип воспроизводства, несмотря на постановку этой цели на высшем государственном уровне, порождено не только (и даже не столько) справедливо критикуемой в этой части экономической политикой, сколько сложившейся системой экономических отношений, ее институциональным воплощением, не стимулирующей (либо антистимулирующей) предпринимательский интерес к инновациям.

В этой связи можно вспомнить слова цитированного еще К. Марксом английского журналиста, писавшего, что даже страх виселицы не остановит капитал, если он видит прибыль, адекватную возможным рискам. История – в том числе и новейшая история России – подтверждает этот тезис. Как бы не противодействовала экономическая политика экономическому интересу капитала, последний преодолевает любые преграды, включая налоговые, если результатом инвестирования будет прибыль, существенно превышающая возможность ее получения в иных областях. Однако до тех пор, пока вложения, например в передел собственности приносят большую рентабельность, чем инновационное предпринимательство, деятельность по перераспределению прав собственности будет гораздо «интереснее», чем по ее развитию, и, соответственно, будут безуспешными и борьба с «рейдерством», и призывы к «инновационному поведению».

Так, видимая причина отставания машиностроения и смежных с ним отраслей – распределение инвестиционных ресурсов, складывающееся не в пользу последних. Но какова причина такого распределения? В определенной степени найти ответ позволяет таблица 8.

Таблица 8

**Структура инвестиций в основной капитал
и рентабельность по видам экономической деятельности**

Виды экономической деятельности	% от общего объема инвестиций	Рентабельность (%) проданных товаров (работ, услуг) и активов / рентабельность активов	
		2006 / 2007 гг.	2006 г. / 2007 г.
Добыча полезных ископаемых	14,6 / 15,2 <i>16,6 / 14,4</i>	30,6 / 15,3	31,5 / 16,3
Производство машин и оборудования	1,0 / 1,0 <i>1,0 / 0,8</i>	8,3 / 6,7	9,4 / 6,8

Примечание: курсивом приведена доля иностранных инвестиций в процентах от общего объема прямых иностранных инвестиций.

Источник: Россия в цифрах. 2008. С. 320–321, 384–385, 431–432.

Конечно, направленность инвестиций определяется не только показателем рентабельности. Здесь действуют и другие факторы, в том числе внеэкономические. Но в данном случае можно сказать, что сложившийся уровень рентабельности, видимо, работает так же, как и все другие факторы, определяющие предпринимательский интерес – как отечественный, так и зарубежный, к направлениям инвестирования.

Однако будет ли достаточным «включение» системы налоговых льгот для стимулирования инновационного предпринимательства? Представляется, что такие льготы не дадут эффекта.

Почему предприниматель идет на риск инноваций? Чтобы выиграть конкурентную борьбу. Этот процесс был описан еще К. Марксом в теории избыточной прибавочной стоимости и развит Й. Шумпетером в теории борьбы предпринимателей-новаторов и консерваторов.

Вместе с тем инновации – это всегда риск.¹ Однако конкурентную борьбу можно выигрывать и другими мерами, например, за счет монопольного положения или за счет близости к представителям властных структур. И если риски инноваций выше рисков других методов конкурентной борьбы, то вряд ли независимо от наличия тех или иных льгот следует ожидать массового инновационного предпринимательства. А то, что это так, подтверждает отечественный опыт перехода на инновационные факторы экономического роста. Еще в конце 1960-х гг., когда стала окончательно ясна исчерпанность экстенсивных факторов экономического роста, в СССР была сформулирована установка на переход от преимущественно экстенсивных к интенсивным факторам экономического роста на базе научно-технического прогресса. По существу нынешние призывы перейти на инновационный путь развития есть повторение старой формулы в других

¹ Иногда говорят: «Есть три способа банкротства. Один – быстрый. Это казино. Другой – приятный. Это женщины. Третий – самый надежный. Это инновации».

терминах. Однако та попытка оказалась безуспешной. Главная причина заключалась в том, что руководители советских предприятий, сопоставляя возможные негативные последствия для себя невыполнения планов по внедрению новой техники и технологий с последствиями невыполнения плановых показателей по темпам роста производства в период такого внедрения, как правило, приходили к выводу, что вторые существенно выше.

Наращивание технологической отсталости советской экономики стало фундаментальной причиной ее проигрыша в глобальной экономической конкуренции, что повлекло катастрофические последствия для страны. Возникла новая экономическая система. Однако и в ней самые успешные (по доходности) отрасли обеспечивают свое благополучие отнюдь не путем инновационного обновления своего производства. В свою очередь это означает, что инновационный продукт не будет востребован рынком. Неслучайны жалобы на то, что запросы корпораций на финансовую помощь для преодоления кризиса не сопровождаются планами этих корпораций по технологическому обновлению своего производства. А это значит, что такая помощь, коль скоро она будет оказана, сохранит существующую технологическую базу экономики. Однако в отсутствии предпринимательского интереса к инновациям бессмысленно выставлять в качестве условия оказания финансовой помощи наличие планов технологического обновления. Представить такие планы, конечно, не составит труда. Но будут ли они реализованы на практике? Никакие «комиссары» от правительства здесь не помогут. В этой же

связи сомнительны надежды на госкорпорации, задачей которых является разработка инновационного продукта. Такой продукт, коль скоро он будет создан, не найдет спроса на российском рынке, т.к. его использование в сложившейся экономической системе не является условием выигрыша в конкурентной борьбе.

Выход может быть только один: реформировать систему экономических отношений таким образом, чтобы конкурентные преимущества переходили к предпринимателям-новаторам, организующим свое дело на основе инновационного обновления, чтобы риски иных способов выигрыша конкуренции существенным образом превышали риски инновационного поведения. При этом надо не столько снижать риски инновационного поведения, сколько существенным образом повысить риски внеэкономических методов конкурентной борьбы, характерных для сегодняшней российской экономики.

Таким образом, главным стратегическим ориентиром антикризисной политики должна стать модернизация сложившейся системы социально-экономических институтов.

Библиографический список:

1. Вопросы статистики. 2006. № 12. С. 57.
2. Краснов Л., Алабян С., Рогов В., Шуйский В. Угрозы, которые мы поджидаем // Экономика и жизнь. 2006 г. № 21. С. 4.
3. Набиуллина Э.С. Тезисы выступления на заседании Президиума Правительства России, 19 марта 2009 г.
4. По материалам заседания Совета безопасности при Президенте РФ по проблемам технологической модернизации

ции экономики (Начать с комиссии и кончить // Экономика и жизнь. 2006 г. № 25. С. 3).

5. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2009 год и плановый период 2010 и 2011 годов. М.: Минэкономразвития России, август 2008 г.

6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2006 г. и основные параметры прогноза до 2008 г. М.: Минэкономразвития. 2005.

7. Райская Н., Сергиенко Я., Френкель А. Качественный рост // Политический журнал. 2006. № 33–34. С. 39.

8. Российский статистический ежегодник. 2001. С. 171. Российский статистический ежегодник. 2005. С. 185. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. С. 113.

9. Тринич Ф.А. Ассиметрия стратегического партнерства. НГ. 19.11.08. С. 7.

10. Федорова Н. Иностранцев пугает коррупция // Экономика и жизнь. 2005. № 11. С. 35.

ВОСХОДЯЩИЕ СТРАНЫ-ГИГАНТЫ НА СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ АРЕНЕ

В.М. ДАВЫДОВ,

*директор Института Латинской Америки РАН,
академик РАН, д.э.н., профессор*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 09–06–00171-а «БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай): социально-исторические и культурные парадигмы современного экономического и научно-технического сотрудничества».

Выделение группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) в качестве новых полюсов мировой экономики и политики носит объективный характер. Для РФ группа БРИК является особо значимой альтернативой стратегического позиционирования на мировой арене. Чем результативнее будет наше взаимодействие в этом формате, тем «деликатнее» придется действовать «коллективному Западу» применительно к России.

Ключевые слова: БРИК, многополярный миропорядок, стратегическое позиционирование России.

С начала текущего десятилетия в научных и политических кругах в стране и за рубежом зреет понимание того, что на мировой арене стартовал **переходный процесс перераспре-**

деления сил и влияний. Наше убеждение состоит в том, что **речь идет о тектонических сдвигах** (имеющих, конечно же, исторически продолжительное действие), **которые мы пока не осознаем в полной мере**. Не осознаем, в частности, в силу инерции западоцентрического мировоззрения, укоренившегося и в наших пенатах. С одной стороны, в мировой системе XXI в. успех будет сопутствовать тем, кто своевременно и адекватно оценит значение таких сдвигов, их перспективу, риски и новые возможности, сумев соответствующим образом построить свою долгосрочную стратегию и внести необходимые коррективы в тактику каждого этапа. С другой стороны, очевидно, что «не осознавших» и «не сумевших» ожидают не самые лучшие времена, обусловленные стратегическими и тактическими просчетами, времена, усугубленные напрасным расходом сил и средств и посему сопровождаемые торможением развития, а порой и маргинализацией в мировом контексте.

Очевидно, что в основе начавшегося переходного процесса находится **неравномерность экономического и технологического развития**, которая усилилась вопреки первоначальным (вульгарно неолиберальным) трактовкам глобализации, делавшим упор на унификацию мирового экономического и социокультурного пространства. Но, как мы все больше убеждаемся, глобализация (во многом определяющая качество переходности нынешней эпохи) действует **асимметрично, проциклично и создает немало противоречивых эффектов**.

Касательно последнего достаточно сослаться на такой аргумент, как **ревалоризация природных ресурсов**. Происходит не

конъюнктурная, а долговременная инверсия ценовых «ножниц» на мировом рынке. Глобализация вводит в мировой экономический оборот все большие массивы производственных мощностей, особенно на бывшей периферии и полупериферии мировой экономики. Потребности и спрос опережают наличие и выпуск сырьевых товаров и их производных. На соответствующих товарных рынках возникает ситуация дефицита, давая существенные торговые и финансовые преимущества ресурсоизбыточным субъектам мировой экономики. Но, разумеется, тенденция ревалоризации действует не абсолютно, а проциклично. И лучшее свидетельство тому – нынешний экстраординарный мировой кризис. Он может быть продолжительнее ординарных циклических спадов, и соответственно дольше продержится падение спроса на природное сырье, но неизбежно предстоящее оживление принесет восстановление высокой ценовой конъюнктуры.

Далее, глобализация опосредуется регионализацией экономического пространства, которая, с одной стороны, устраняет межгосударственные барьеры, с другой – возводит новые, пусть и на расширенном пространстве. Глобализация меняет композицию сравнительных и конкурентных преимуществ, предоставляя дополнительные или новые ниши одним и лишая прежних возможностей других.

Глобализация, конечно же, меняет статус нации-государства, поскольку изымает у нее (него) часть прерогатив, передавая их в пользу транснациональных и наднациональных структур. Мы также видим растущее противоречие между сохранением (относительным – в той или иной мере в зависимости от кон-

кретной ситуации) функций политического суверенитета за национальным государством и ослаблением его контроля в области экономического суверенитета. Два вышеуказанных обстоятельства сказываются прежде и сильнее всего на положении и позиционировании малых и средних государств. Но применительно к крупным и особо крупным государствам, обладающим «критической массой» ресурсов развития, это отнюдь не фатально. На мировой сцене они остаются основными персонажами. В любом случае пока рано (может быть, очень рано) прощаться с ключевой ролью нации-государства, которая для международного сообщества будет системообразующей (молекулой миропорядка) и на протяжении XXI в. Разумеется, при этом необходимо учитывать активное соседство и расширяющееся поле действия старых и новых транснациональных структур – мировых церквей, банков и корпораций, интернационально организованных политических движений и неправительственных организаций. Весомая роль, несомненно, будет принадлежать и интеграционным группировкам, особенно тем, которые переходят в категорию мегаблоков. Конкурировать с ними смогут только страны-гиганты. Именно в этой версии нация-государство будет в полной мере подтверждать свое первоначальное значение.

В оценках современной ситуации в мировой экономике и политике, в долгосрочных прогнозах мирового развития эксперты авторитетных аналитических центров совершенно различной принадлежности совпадают в выделении группы перспективных лидеров в лице БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Каза-

лось бы, речь идет о странах-гигантах с разной исторической траекторией развития, с разной композицией сравнительных и конкурентных преимуществ. Но, несомненно, обладающих «критической массой» ресурсов развития.

Феномен восхождения стран-гигантов исторически не нов. Достаточно сослаться на прецедент США. И историческая практика говорит, что эффект восхождения одних должен сопровождаться эффектом нисхождения (либо абсолютного, либо относительного) других. Сегодня мы воочию наблюдаем относительное торможение экономического роста и технологического обновления в старых центрах (США и другие члены «большой семерки») на фоне опережающего развития экономик группы БРИК. Долгосрочные прогнозы авторитетных зарубежных и отечественных специалистов (правда, сделанные до кризиса, развернувшегося в 2008 г.) подтверждают, что уже через три десятилетия по абсолютному объему ВВП в лидирующей семерке останутся только США. Можно по-разному относиться к прогнозным оценкам. Обгон может состояться несколько раньше либо несколько позже (в частности, в зависимости от последствий нынешнего экстраординарного кризиса в мировой экономике). Но на настоящий момент точная дата нам не столь уж важна. Важны долговременная тенденция и общие пропорции.

Почему в старых центрах возобладала нисходящая тенденция? Наверное, во-первых, из-за перегрузки экономики непроизводительными (а порой и паразитическими) расходами (особенно в случае США) в силу избыточной сатурации внутреннего рынка, из-за растущего разрыва между «вирту-

альной» и «реальной» экономикой, когда «виртуальная» плодит производные производных финансовых инструментов в отсутствие соответствующих институциональных регуляторов. Затем – в силу прогрессирующего расхождения между мотивациями действий политического (государственного) руководства и мотивацией поведения бизнеса в условиях глобализации, приводящей к эмиграции производства и, соответственно, к утере рабочих мест. Другое обстоятельство – изменение структуры издержек производства, которое сплошь и рядом ведет к понижению (относительному) уровня конкурентоспособности в центрах мировой экономики.

В чем, с другой стороны, причины восхождения, проявляющегося в странах БРИК? Ключевое значение, как уже говорилось, имеют «критическая масса» ресурсного обеспечения, а также структура издержек производства, более благоприятная для высокой динамики экономического роста по сравнению со структурой, присущей традиционным полюсам.

При наличии совокупной «критической массы» восхождения во всех четырех случаях очевидны особые преимущества и, конечно, свои слабые места у каждого гиганта. Попытаемся бегло охарактеризовать и то, и другое. Явные слабые места в российском случае – неблагоприятная демографическая ситуация, малая плотность и низкое качество базовой инфраструктуры. В Китае, Индии и Бразилии – массовая бедность и отсталость в распространении образования. Общий фон четверки – крайняя степень социальной дифференциации и территориальная диспропорциональность экономического развития. При высоком ресурсном обеспечении и в Китае, и в Индии ограничителем

роста остается энергодефицитность экономики. До последнего времени тем же характеризовалась ситуация в Бразилии. Но недавнее открытие в этой стране крупных месторождений нефти и газа обещает переход к ситуации энергоизбыточности. Россия несомненно превосходит других членов группы в обеспеченности энергетическим сырьем и другими природными ресурсами. В этом отношении к ней приближается только Бразилия. Другое наше преимущество – относительно высокий уровень образованности и все еще крупный и диверсифицированный задел в научной области. В Китае и Индии низкий средний уровень образованности компенсируется наращиванием абсолютной численности специалистов высшей квалификации, что позволяет решать задачи кадрового обеспечения на перспективных направлениях экономического развития. Китай прежде всего, а также Индия и Бразилия демонстрируют способность к преодолению отставания в научно-технической области. Россия, имеющая в этой области серьезные предпосылки, стремится – пусть с опозданием – создать эффективный инновационный механизм.

Несомненным лидером в военно-технической области остается Россия. К ней приближается Китай. Нарастивает свой ВПК Индия, де-факто ставшая ядерной державой. Бразилия в этом отношении придерживается сдержанной позиции, хотя и является «пороговым государством», владеющим полным циклом ядерной технологии. Здесь же мы видим достаточно разветвленную отрасль по производству военной техники.

С точки зрения способности поддерживать **высокую динамику экономического роста** несомненным лидером остается

Китай, более двух десятилетий доказывающий эту способность фактически без пауз. Менее высокие темпы роста, но существенно превосходящие среднемировые, демонстрировали до 2008 г. Индия и Россия. Казалось бы, довольно бледно на этом фоне выглядела Бразилия, которая лишь в последнее пятилетие превзошла среднемировой темп прироста ВВП. Но согласимся, что сегодня и 4–5% прироста ВВП – неплохой показатель для экономики столь крупного масштаба. Это в любом случае контрастирует с вялой или же отрицательной динамикой в старых центрах мировой экономики. Кроме того, потенциальная способность Бразилии к динамичному росту подтверждается практикой 60–70-х годов, когда бразильский ВВП увеличивался темпом, сопоставимым с нынешним китайским. Тогда небезосновательно говорили о бразильском экономическом чуде.

В условиях экстраординарного мирового экономического кризиса торможение роста ВВП происходит во всех странах группы БРИК, в Китае – практически вдвое, в Индии – почти вдвое. В России, не успевшей завершить до кризиса консолидацию своей хозяйственной системы, разбалансированной в 90-е годы и не сумевшей предпринять стратегический разворот в сторону инновационной модели, вероятен, увы, заметный спад – на уровне примерно 6% ВВП, по последней оценке МВФ. В чем на этом фоне причины пока еще проявляемой устойчивости бразильской экономики? Определенный консерватизм и сохранение национального контроля в кредитно-банковской сфере, существенное сокращение к началу кризиса внешнего госдолга наряду с умеренной внешней корпоративной задолженностью, диверсификация внешней торговли и по ее географии, и по ее номенк-

латуре. Особое значение имеет насыщение бразильского экспорта технически сложной продукцией. Один пример: тогда как у крупнейших авиапроизводителей мира в 2008 г. повсеместно происходило существенное сокращение продаж, бразильская авиастроительная корпорация Embraer (третья после Boeing и Airbus) перевыполнила свой годовой план, продав свыше двухсот самолетов.

Вместе с тем в группе БРИК имеется ряд общих преимуществ, значение которых заметно возросло в условиях экстраординарного мирового экономического кризиса. При всех различиях и нюансах в хозяйственной системе стран группы БРИК везде следует вести речь, во-первых, о **многоотраслевом промышленном комплексе** (самообеспеченность в широком диапазоне), во-вторых, о **ключевой роли внутреннего рынка** при всех видимых последствиях прогрессирующего вставания в мировой рынок. В-третьих, об **особо значимой** и исторически обусловленной, организующей и направляющей **роли государства** при несомненно расширившейся сфере действия рыночных отношений и росте потенциала национального частного предпринимательства.

До недавних пор считалось, что общей слабостью хозяйственных систем стран БРИК, препятствующей вхождению в круг мировых экономических лидеров, являлось отсутствие мощных структур транснационального бизнеса, выросших на национальной почве. В последние годы эта ситуация меняется, причем ускоренным темпом. Достаточно сослаться на примеры компьютерного гиганта Lenovo и финансовой группы CITIC (Китай), производителя и экспортера программного обеспечения

Infosys и промышленной группы TATA Industries (Индия), уже упомянутой Embraer и горнорудного гиганта CVRD (Бразилия). На слуху в транснациональном бизнесе и наши бренды – «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Русал», «Северсталь» и «Норникель». Увы, на мировом рынке почти не звучат имена наших производителей машинно-технической продукции, корпораций, действующих в сфере телекоммуникаций, информатики и других областях высоких технологий. Начало, пожалуй, положено АФК «Система», вышедшей на индийский рынок мобильной связи.

Несмотря на скромное пока представительство корпораций и банков БРИК в мировых списках гигантов транснационального бизнеса, их доля в этих списках в последнее десятилетие росла год от года. Западные аналитики с тревогой стали говорить, что **темпы роста транснационалов из зоны БРИК существенно (в несколько раз) превосходят темпы роста ТНК и ТНБ, базирующихся в старых центрах мировой экономики.** Показательно, что сфера их действия не ограничивается «нарождающимися рынками». Они все чаще и масштабнее вступают на метропольную территорию традиционных центров мировой экономики. Пошатнувшиеся в США, Канаде, Западной Европе активы (финансовые, промышленные, телекоммуникационные) скупаются китайскими, индийскими и бразильскими транснационалами. Есть примеры подобных инвестиций и со стороны российского бизнеса. Не исключено, что нынешний спад (уже ставший экстраординарным) приведет, как водится, к «естественному отбору», ослабив позиции старых транснационалов и повысив роль «новообращенцев» с корнями в зоне БРИК. Их мо-

жет поддержать «подушка безопасности», накопленная государством, и его активное антикризисное вмешательство, а также иная – относительно более благоприятная – структура издержек производства.

Насколько гарантировано то, что молодые транснациональные «волки» могут быть удержаны в сфере национального контроля? («Сколько волка не корми...») Насколько могут и будут расходиться стратегические линии наций-государств БРИК и транснационалов с корнями в зоне БРИК? Наконец, насколько в данном случае государство в зоне БРИК способно будет преодолевать противоречия между логикой транснационального бизнеса и логикой национальных стратегических интересов? Уроки старых центров мировой экономики не очень-то обнадеживают в этом смысле (в том числе по части игнорирования социальных императивов, ухода от социальной ответственности по отношению к стране базирования и т.д.). Не станет ли транснационализация национального бизнеса входить в противоречие с «проектом восхождения», основным носителем которого при всех прочих остается национальное государство? Очевидно, что в долгосрочной перспективе судьба «проектов восхождения» в зоне БРИК будет зависеть от возникновения своего рода «механизма солидарности» между бизнесом и государством.

Далее естественным образом возникает **вопрос политической преемственности в реализации «проекта восхождения»**, связанной с качеством национальной элиты, ее способностью сочетать поколенческое обновление с креативной, конструктивной преемственностью. Следует откровенно признать: в долго-

срочном плане эта важнейшая предпосылка не очень-то поддается рациональному прогнозированию. И автор вполне осознает, что, рассуждая на эту тему, мы вступаем на достаточно зыбкую почву. Увы, история в этом отношении подтверждает свою спонтанность. Но можно все же говорить о способности и вероятности сохранения во временной перспективе определенного коридора стратегических решений. Прорисовываются ли в траектории развития гигантов некие направляющие рамки, ограничивающие диапазон отклонений от «генеральной линии» восхождения? Думаю, с определенной долей условности можно говорить о том, что так или иначе подобный коридор просматривается во всех четырех случаях. И, как представляется, за применением лучших инструментов «коридор стратегической преемственности» может стать достаточно плодотворной категорией в долгосрочном политическом прогнозе.

В Бразилии политическая воля верхов традиционно замешана на «проекте восхождения» (или на великодержавном сознании), будь то во времена военного режима либо политической игры в условиях плюралистической демократии. Этим во многом и определяется коридор. Ось политической жизни Бразилии сместилась в последнее время влево, и «проект восхождения» довольно четко прослеживается в стратегии нынешней администрации, сформированной лидером социалистической Партии трудящихся. Нельзя исключать, что следующий электоральный цикл приведет к власти другую, более умеренную социал-демократическую партию. Но та также сохраняет в своей идеологии великодержавные ориентиры. И даже если в более отдаленной перспективе предположить возможность поправления

бразильского истеблишмента, мало что изменится в ориентации на восхождение. Великодержавная идея укоренена в общественном сознании бразильцев независимо от политических симпатий. И это, между прочим, сказывается на диапазоне целеполагания экономической политики.

Напомним, что в 90-е годы, когда практически повсеместно торжествовала неолиберальная доктрина, приводящая к децентрализации экономики и умалению государства и его экономического суверенитета, в Бразилии в период правления социал-демократа Ф.Э. Кардозо неолиберальные реформы осуществлялись дозированно и взвешенно. Не допускались те крайности в приватизации, либерализации предпринимательской практики и открытии внутреннего рынка, которыми злоупотребляли реформаторы в других странах. Неудивительно, что администрации Л.И. Лулы да Силвы, сменившей правительство Ф.Э. Кардозо и вступившей на стезю национально ориентированного неокейнсианства, не пришлось вносить серьезные коррективы в экономический механизм страны.

В какой-то мере к бразильской ситуации близок **индийский сценарий**. «Самая многонаселенная демократия мира» при всех отклонениях в экономической и социальной политике (от Джавахарлала Неру до Манмохана Сингха) осознает свой неординарный потенциал и историческое предназначение. Иными словами, существует некая константа общественного сознания и политической воли, которая задает вектор развития, создавая более широкий либо более узкий коридор вариаций.

Применительно к **Китаю** об этом можно, видимо, говорить с большей долей уверенности, учитывая особенности

его политической системы и уже доказанную ею способность обеспечивать преемственность стратегического курса при обновлении политической элиты. Можно даже говорить о том, что здесь «коридор» гораздо уже, чем в других странах четверки. К такому выводу подводит изучение работ выдающегося российского китаевода академика М.Л. Титаренко, его апелляция к особенностям исторического развития страны, китайской цивилизации, национального менталитета.¹

Россия, несмотря на нашу погруженность в родную стихию, несмотря на то, что мы являемся зрителями изнутри, а порой и непосредственными персонажами современной российской сцены, задает нам немало загадок. Но, может быть, это объективно и неизбежно. Ведь, во-первых, новый российский сценарий (условно – путинско-медведевский) утвердился совсем недавно. Во-вторых, частые переломы нашей истории на протяжении прошлого века, похоже, не внушают большого оптимизма относительно стратегической преемственности. Да и, в-третьих, при всем правопреемстве относительно Советского Союза речь все же идет о новом субъекте мировой экономики и международных отношений. Убеждать нас могут достигнутая степень политической консолидации общества, восстановление управляемости государством, укрепление национального самосознания и, конечно, динамичность экономического роста 2000–2008 гг., разумеется, если

¹ См., например: М.Л. Титаренко. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

ее удастся восстановить после кризиса с наименьшей потерей времени.

Положа руку на сердце, применительно к России еще трудно говорить о четко прочерченном коридоре («В Россию можно только верить»?!). Но все же думаю, и в российском, и в трех остальных случаях есть общее особое качество, которого лишены многие другие страны и которое позволяет усматривать наличие коридора, задающего направление развития на дальнюю перспективу. Дело в том, что в группе БРИК в любом случае речь идет не только о странах-гигантах. Это не просто гигантские государственные образования, это – системообразующие носители, ядра самобытных цивилизаций, пусть с иноцивилизационными примесями (иногда значительными). Но мы-то ведем речь о доминирующем цивилизационном качестве! За странами БРИК вековая мощь китайско-конфуцианской, индубуддийской, латиноамериканской и славяно-православной цивилизаций. Цивилизационное качество придает странам БРИК, каждой в отдельности, силы для исторического выживания, сохраняет импульсы самовоспроизводства в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Как показывают история и современная практика, «проект восхождения» стран-гигантов и обретения ими качества мирового лидерства сбывается в том случае, если они способны проецировать свое влияние, свои динамические импульсы на географическое окружение. То есть проделать свой путь от региональной к великой державе, входящей в клуб глобального регулирования. Разумеется, для этого предварительно необходимо создать на собственной основе достаточно эффективную

экономическую модель и устойчивую политическую систему. Кроме того, опять же, разумеется, речь должна идти о такой модели развития, которая обеспечивает механизм инновационного развития. Сегодня мы видим определенные предпосылки такого рода во всех четырех случаях. Но далеко не везде удачно складываются предпосылки для создания собственной зоны влияния (как в целях образования пояса безопасности, так и в целях получения дополнительного рыночного пространства).

До сих пор мы утверждали, что восходящие страны-гиганты – это те, которые способны стать самостоятельным фактором развития вне зависимости от интеграционных блоков. Но это до определенной степени. В последнее время довольно энергично формирует собственную зону влияния Бразилия (Меркосур, Южноамериканский союз), причем в соперничестве с США. У Индии явно меньше возможностей, учитывая иноцивилизационное окружение и геополитическую «зажатость» между мусульманским миром и зоной китайской экспансии. Однако и в этом случае предпринимаются определенные усилия.

В рамках четверки наибольшие возможности для относительно автономного восхождения, пожалуй, остаются только у Китая. Тем более, учитывая вероятность резкого наращивания экономического и технологического потенциала в случае присоединения Тайваня (симптоматично в последнее время налаживание контактов на высшем государственном уровне между континентальной державой и островным анклавом). Мы уж не говорим о китайской диаспоре, которая сыграла исключительную (неповторимую) роль в реализации проекта восхождения КНР.

До сих пор стратегия Китая на мировой арене и в азиатском окружении характеризовалась воздержанностью от великодержавной ответственности. В Пекине укрепилась идея, что от великодержавной ответственности целесообразно уклоняться, по крайней мере до тех пор, пока в стране не будет обеспечен если не решающий перевес, то хотя бы паритет сил по отношению к оппонентам. Тем не менее лед тронулся и на этом направлении. Экономическая экспансия в юго-восточной Азии, активно поддерживаемая многомиллионной китайской диаспорой, исподволь создает интеграцию де-факто. Однако вероятность интеграции существует и де-юре в формате АСЕАН+КНР (или даже в расширенном составе с участием Японии и Южной Кореи).

Россия в этом отношении находится на сложном перепутье. Проект СНГ не смог переэволюционировать в интеграцию нового типа. Впрочем, как считают скептики, и предпринимался он изначально для цивилизованного развода, а не для брачного союза. Неудовлетворительны пока и результаты «частичной интеграции» в рамках ЕвроАзЭС, ЕЭП (единого экономического пространства, рассчитанного на часть СНГ) или «союзного государства» РФ и Белоруссии. Можно определенно сказать, что основная причина в том, что долго не соблюдалось неременное условие: в самой России не складывалась привлекательная модель с экономической эффективностью и политической устойчивостью, которая способна оказывать магнетическое воздействие на окружающее пространство. Все это означает, что Россия сможет обрести шансы лидерства наравне с другими странами БРИК, лишь реально и полновесно заполнив «пустующие ниши» в своем арсенале восхождения качествами региональной державы.

На более высоком уровне дальнейшее восхождение предусматривает способность к построению конструктивных международных альянсов за пределами зон регионального влияния, институциональных структур, формирующих новую международную архитектуру, адекватную требованиям XXI столетия. Разумеется, в данном случае имеется в виду способность проводить подлинно многовекторную, универсальную внешнюю политику.

Наконец, как реальный результат процесса восхождения следует иметь в виду эффективный доступ в «клуб глобального регулирования». В какой мере все страны БРИК отвечают данным критериям? Очевидно, что в полной мере эти условия, увы, пока еще не соблюдены.

В интерпретации скептиков БРИК расценивается как некая виртуальная (умозрительно составленная) группа, лишенная объективных основ («общего знаменателя») для активного взаимодействия. Наш же анализ подводит к выводу о том, что подобный взгляд продиктован инерционностью мышления, своего рода «фазовым запаздыванием». В рассуждениях скептиков довлеют представления вчерашнего дня. Но все же их можно понять. Реальность восхождения БРИК – плод исторически очень молодой. Она стала рельефно проступать лишь несколько последних лет (в индивидуальном порядке старше только китайский феномен).

Диапазон различий в группе БРИК действительно очень широк. Восходящие гиганты сходятся преимущественно в итоговом зачете – в силу обладания «критической массой» восхождения. До недавнего времени в большинстве случаев

не просматривалось большой интенсивности торгово-экономических отношений – то, что могло бы наглядно показать практическую взаимную заинтересованность.

Еще в 90-е годы торгово-экономические отношения между отдельными странами БРИК находились на минимальном уровне. На рубеже следующего десятилетия в рамках БРИК начинает сказываться экспортная экспансия Китая. Последние несколько лет (до 2008 г.) перекрестная торговля БРИК превосходила средние темпы роста объема мировой торговли. Более того, она превосходила темпы роста экспорта по каждому отдельному случаю в рамках четверки. Это лучший аргумент в пользу тезиса об объективной взаимодополняемости.

Конечно, интенсивность экономического взаимодействия в двустороннем формате далеко не равнозначна. И здесь, конечно, играют роль геоэкономические и геополитические обстоятельства со своими историческими корнями. Симптоматичный показатель – китайско-индийское сотрудничество, начинающее преодолевать былые счеты и давнее соперничество. Это, быть может, в наибольшей степени отражает эффект глобализации, с одной стороны, а с другой – взаимное тяготение в формате БРИК.

Превосходство России и Бразилии в обеспеченности природными ресурсами, а также в возможностях массового производства продовольствия (Бразилия – реально; Россия – потенциально) совершенно объективно привлекает и будет привлекать демографически избыточные Китай и Индию, имеющие изъяны по ряду ключевых позиций минерального

сырья (прежде всего энергетического) и продовольственного обеспечения. В свою очередь, динамичное промышленное развитие Китая, а также Индии (на ряде направлений), повышение – в той или иной мере – платежеспособности на обоих рынках увеличивают масштабы инвестиционного и личного потребления и, соответственно, спроса на сырье и полуфабрикаты из России и Бразилии. Очевидно, что это не конъюнктурная, а долгосрочная тенденция.

Россиян, естественно, интересует отход от сырьевой специализации. Учитывая существенно укрепившийся промышленный потенциал и возросший технологический уровень наших партнеров по БРИК, нельзя рассчитывать на то, что в ближайшей перспективе мы (Россия) сможем представлять на их рынках в качестве крупных поставщиков конкурентоспособной машинно-технической продукции. В ближайшей и среднесрочной перспективе коммерческий успех нам будет сопутствовать преимущественно тогда, когда российские производители и экспортеры энергично и инициативно вступят в партнерские отношения с местными корпорациями. Объективные же условия для такого сотрудничества уже вполне созрели у всех наших партнеров по БРИК. Взаимная заинтересованность в расширении экономического партнерства, несомненно, будет возрастать по мере увеличения веса в мировой экономике отдельных членов БРИК и четверки в совокупности.

Позволительно ли абстрагироваться от расхождения интересов в четверке гигантов, от проявления соперничества на определенных рынках? Ответ очевиден. Нам хорошо известно, что такое соперничество налицо в Центральной Азии, в

Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Речь идет о конкуренции в сбыте однотипной продукции, в доступе к источникам минерального сырья, особенно энергоносителей. В подобных случаях продолжение «эгоистического поведения» допустимо до определенных пределов, за которыми больше потерь, чем приобретений.

На международной арене у каждого представителя четверки есть свои специфические приоритеты, которые, откровенно говоря, мало волнуют остальных гигантов. Но, пожалуй, это больше сказывается в региональном разрезе. Вопрос в другом: как выглядит поле несовпадения интересов (либо взаимной индифферентности) по сравнению с полем их совпадения?

Нам представляется, что **на обозримую перспективу поле совпадения существенно шире поля расхождения**. Во-первых, рассмотрим сами приоритеты восхождения. Наряду с проблемами, проявляющимися себя в индивидуальном порядке, налицо широкий круг общих проблем. Так, растущий экономический потенциал БРИК и увеличивающийся геополитический вес требуют международного признания меняющегося статуса. Но в той или иной степени это встречает противодействие старых центров мировой экономики и политики.

В данном контексте речь идет о доступе в клуб глобального регулирования. Россия, казалось бы, имеет наибольший доступ, являясь постоянным членом Совбеза ООН, входя в «большую восьмерку». Но она слабо представлена (а иногда не представлена) в ключевых международных институтах финансового и торгового профиля. Китай, обладая постоянным членством в Совбе-

зе ООН, пока не имеет полного представительства в Г-8 и адекватной квоты голосов в Международном валютном фонде и Всемирном банке. Бразилия и Индия – претенденты на вхождение в СБ ООН и также заинтересованы в увеличении своего веса в международных финансово-экономических организациях. Очевидно, что достижение взаимопонимания по всем этим вопросам в рамках группы БРИК и ее солидарная дипломатия могут существенно ускорить решение соответствующих проблем, нейтрализовать противодействие. В поле явного совпадения интересов входит также обеспечение недискриминационного доступа на рынки «коллективного Запада» (Евросоюз, НАФТА).

Сегодня на передний план выходит проблема нейтрализации импульсов кризиса, идущих от американской экономики. Все страны БРИК в равной мере заинтересованы в противодействии политике «экспорта кризиса», в предотвращении использования эпицентрами рецессии «подушек безопасности», созданных в странах БРИК. Становится все более очевидным, что без стран группы БРИК не могут быть преодолены ключевые глобальные проблемы: нераспространения и эффективного международного контроля ОМУ, борьбы с международным терроризмом и наркотрафиком, противостояния масштабным экологическим угрозам, последствиям глобального потепления и т.д. На этом поле коллективные действия и солидарность БРИК могут стать решающими факторами в интересах всего международного сообщества.

Еще один аргумент скептиков в подтверждение виртуальности БРИК связан с тем, что эта группа не институционализована должным образом. На настоящий момент такая

точка зрения опять же устарела. События быстро развиваются и на этом направлении, хотя, может быть, и не соответствуют представлениям чересчур требовательных скептиков.

Институционализация взаимодействия, формирование консультационного механизма исходило от разных отправных точек. На евроазиатском пространстве происходило сближение Китая и России, институционально реализовавшееся в рамках ШОС. Затем к процессу подключилась Индия, получив статус наблюдателя. Это благоприятствовало возникновению механизма постоянных политических консультаций в формате РИК (Россия – Индия – Китай) на уровне министров иностранных дел.

С другой стороны, в 2003 г. стартовала институционализация взаимодействия Бразилии, Индии и ЮАР, сформировавших объединение, именуемое IBSA. Бразилия и Индия в данном случае логично сочетают свои интересы, связанные с претензиями на постоянное членство в СБ ООН, с решением задач международной безопасности в Южной Атлантике (Бразилия) и в Индийском океане (Индия). Связующим звеном для Бразилии и Нью-Дели в созданной конструкции служит ЮАР, что недвусмысленно говорит о стратегическом интересе обоих гигантов укрепить свои позиции на африканском континенте. В первоначально продекларированных целях IBSA акцент делался на совместном решении экономических и социально-гуманитарных задач. В последнее время повестка дня IBSA симптоматично дополняется коллективными мероприятиями по обеспечению международной безопасности в сопредельных зонах стратегического контроля, на которые вполне логично ориентируются

Бразилия и Нью-Дели. Показательны в этом смысле крупномасштабные совместные военно-морские маневры членов IBSA, проведенные в 2008 г. Более того, очевидно, что оба гиганта предпринимают соответствующие превентивные меры, стремясь обозначить свое присутствие в прилегающих к ним пространствах Южного полушария до того, как здесь в полной мере реализуются военно-политические амбиции североамериканского гегемона и претензии НАТО на продвижение в южном направлении (настораживающий симптом – наращивание 4-го флота ВМС США). Для Индии, помимо всего прочего, это важно, поскольку помогает ей преодолеть геополитическую «зажатость» между мусульманским миром и зоной китайской экспансии. В свою очередь, Бразилия весомо дополняет южноамериканскую проекцию своей стратегии южно-атлантическим и африканским направлениями. Показательно, что уже в момент создания IBSA в устах «отцов-основателей» звучал тезис о том, что IBSA – организация, открытая для таких стран, как Китай и Россия. К сожалению, тогда ни с российской, ни с китайской стороны не последовал какой-либо внятный ответ. Соответствующая политическая воля тогда еще не созрела. Но она очень быстро стала созреть – подспудно и без лишнего шума (что, видимо, и объясняет запоздалую реакцию экспертного сообщества).

С 2005 г. ежегодно проводятся встречи министров иностранных дел на Генассамблее ООН в формате БРИК. Несколько специальных (вне рамок ООН) встреч глав дипломатических ведомств уже проведено в формате РИК. Решающим рубежом следует считать майское (2008 г.) сове-

щение министров иностранных дел Бразилии, России, Индии и Китая в Екатеринбурге, на котором было согласовано проведение скоординированной политики по ключевым глобальным проблемам и, учитывая осложнение ситуации в мировой экономике, решение активизировать консультации по финансово-экономическим вопросам с целью совместного поиска превентивных мер. Во исполнение этого намерения Бразилия приняла в конце 2008 г. министров финансов четверки. Нынешний год вывел координационные встречи на уровень саммита, который в июне состоялся в Екатеринбурге.

Каким путем может пойти институционализация БРИК в дальнейшем? Каков может быть вес этой теперь уже квази-институционализированной группировки в глобальном регулировании и каков смысл для участия России в этом новом формировании? Как представляется, рассуждать на эту тему можно лишь с учетом следующих обстоятельств.

Во-первых, мы начали наш анализ с констатации переходности эпохи, которая определялась неравномерностью развития основных субъектов международных отношений, что предполагает сочетание процессов восхождения и нисхождения, продуктом которых является изменение соотношения сил и влияния на мировой арене. Происходит это поэтапно и с неизбежностью должно сопровождаться перестройкой международной институциональной архитектуры. Неадекватность прежней архитектуры уже признана практически повсеместно, тем более в свете мирового экономического кризиса. В какой мере элементы новой архитектуры обязаны повторять стереотипы прошлых институциональных струк-

тур на мировой арене? Здесь, естественно, не может быть «простого воспроизводства». По мере реализации перехода от биполярности и кратковременной однополярности к многополярности в контексте диалектики «восхождения-нисхождения» **будут несомненно сосуществовать прежние и новые институциональные структуры, меняя соотношение, пропорции лишь постепенно и поэтапно до тех пор, пока не будет сформирована новая модель, новая система глобального регулирования, обеспечивающая устойчивое равновесие адекватно изменившемуся соотношению сил.** Вряд ли кто-то уже сегодня возьмется очертить контуры новых структур. Но мы вправе апеллировать к примерам тех структур, которые адекватны изменяющимся мировым условиям. Можно говорить, что «большая семерка» и расширившаяся НАТО под предводительством Вашингтона, подменявшая в критических ситуациях механизм ООН, были адекватны ситуации однополярности. Появление ШОС, IBSA, в какой-то мере Южноамериканского союза, имеющего шанс дополниться Южноамериканским советом обороны, и проекты создания региональных альтернатив МВФ знаменуют отход от однополярности.

Замещение Г-8 Группой тринадцати (т.е. «большой семеркой» плюс БРИК, Мексика и ЮАР), которое предлагал прагматик Николя Саркози, возможно, станет признанием уже изменившейся расстановки сил на очередном этапе исторического перехода. Впрочем, подобный проект де-факто уже превзойден в формате «большой двадцатки». Центральная задача саммитов «двадцатки» – коллективные действия по преодолению мирового экономического кризиса – еще дале-

ка от своего решения, результаты вашингтонской и лондонской встреч пока не дают серьезных оснований для оптимизма. Но движение в верном направлении уже обозначилось. Институциональная ткань мировой системы, несомненно, по ходу дела пополнится другими новообразованиями. Но также несомненно, что формирование новой архитектуры, опосредуемое диалектикой «восхождения-нисхождения», будет проходить через немалые тернии.

Это зависит, в частности, от преодоления инерции мышления в старых центрах гегемонии, особенно в вашингтонском истеблишменте. Но именно там инерция консерватизма особенно укоренена. Философия республиканских «неоконов» и их поведение на международной арене – лучшее свидетельство. После августовских событий на Кавказе многие у нас и за рубежом заговорили о втором издании «холодной войны». Думаю, в данном случае не стоит абсолютизировать негативный резонанс на наши действия. Но, с другой стороны, ожесточенная реакция Вашингтона и его зарубежной клиентуры – определенная веха в цепи событий последних двух-трех лет, указывающих на линию сдерживания и отбрасывания, проводимую Вашингтоном в отношении восходящей России. Очевидно, что в более жесткой либо более мягкой форме эта тенденция будет прослеживаться не только в отношении РФ. Попытки нарушить поступь восходящих гигантов – пожалуй, вполне объяснимая реакция нисходящих. И посему впереди весьма вероятна историческая полоса трений и столкновений. Даже с учетом надежд на определенный реализм администрации Б. Обамы.

Только не стоит, наверное, пользоваться образом «холодной войны» для характеристики этого периода. Прежде всего, поскольку в нынешней ситуации отсутствует соответствующий идеологический стержень. Конечно, остается фактор мессианской психологии. Но он теперь действует с другой стороны. Речь идет теперь не об экспорте «революции», а об экспорте «демократии». (Впрочем, если вспомнить «цветные революции», то существует и этот мотив.) Но уж коль скоро раньше мы использовали образ, то и сегодня не грех воспользоваться аналогичным приемом, однако уже с другим звучанием, имея в виду иное содержание – геоэкономическое и геополитическое. Наше предложение – **«горячий мир»**. Естественно, этот образ придется раскрывать соответствующими определениями и терминами применительно к современной и будущей ситуации.

Закономерно возникает вопрос: почему Россия стала первоочередным и преимущественным объектом политики сдерживания? Хотя, казалось бы, со стороны Китая брошен гораздо более мощный вызов США и «коллективному Западу». Дело, на наш взгляд, в нескольких обстоятельствах. Во-первых, Россию хотели бы «осадить» как вторую военную державу, которой теперь это уже «не по рангу». Во-вторых, как крупнейшую ресурсоизбыточную державу. На Западе намекают, что нам следует поделиться с «международным сообществом». Между тем «великодержавные амбиции» нынешней России явно мешают «коллективному Западу» превратить ее в послушного поставщика. Наконец, на Западе видят немало уязвимых мест в экономике и социально-политической ситуации России и пытаются вос-

пользоваться ими, «пока не поздно». Поздно же, по его мнению, может быть в двух случаях. Во-первых, когда российский потенциал упрочится настолько, что уколы и маневры Запада перестанут быть для него ощутимым риском. Во-вторых, если это не удастся, и Россия, и, соответственно, ее ресурсы подпадут под «протекторат» Китая.

Прагматизм и гибкость применительно к Китаю при всем гегемонистском комплексе «неоконов» объясняется тем, что тот, по их представлениям, переступил ту грань, за которой Западу уже не под силу добиваться своих целей посредством прямого давления. Кроме того, в последнее время (особенно в ходе нынешнего кризиса) выявилась тесная экономическая взаимозависимость США и КНР. Поэтому в данном случае Вашингтон отдает предпочтение «искусству возможного».

Уже сегодня мы видим, как отличается от российского и даже китайского случая поведение в отношении Индии и Бразилии. Не будем загадывать наперед относительно подходов команды Б. Обамы. Важно, что еще Дж. Буш и К. Райс в диалоге с Бразилией и Нью-Дели акцентировали тезис о необходимости активного сотрудничества «трех самых многонаселенных демократий мира». Евросоюз пошел навстречу Бразилии и Индии, заключив с ними соглашения о стратегическом партнерстве. США подписали широкомасштабный договор с Индией, де-факто ставшей ядерной державой, о сотрудничестве в ядерной области (при всем своем предубеждении против распространения ядерных технологий). С Бразилией Вашингтон поспешил заключить широкомасштабное соглашение в области производства наиболее перспективно-

го альтернативного топлива – биоэтанола, рассчитывая таким образом контролировать быстрорастущий рынок.

Очевидно, что и в дальнейшем Запад предпочтет «индивидуальный подход» к странам БРИК, стремясь предотвратить их сплочение и коллективные действия. Совсем не исключено, что «большая семерка» уже в краткосрочной перспективе согласится на полноправную кооптацию Индии, Китая и Бразилии (а может быть, и шире – Мексики, Южной Кореи, ЮАР), с тем чтобы **упредить консолидацию блока БРИК**.

В ближайшей и отдаленной перспективе БРИК для России представляет собой достаточно реальную и действительно внушительную альтернативу стратегического позиционирования на мировой арене. Это нисколько не отрицает многовекторный характер нашей внешней политики, а лишь придает ему большую устойчивость и диапазон. При этом очевиден «обратный» позитивный эффект: чем теснее и результативнее будет наше взаимодействие в формате БРИК, тем «деликатнее», в конечном счете, придется действовать «коллективному Западу» применительно к России.

ЭКОНОМИКА АПК РОССИИ В МИРОСИСТЕМЕ: ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ДО 2020 ГОДА

М.А. КОРОБЕЙНИКОВ,

*член Совета по аграрной политике при Председателе
Совета Федерации Федерального Собрания Российской
Федерации, вице-президент Международного
Союза экономистов, вице-президент ВЭО России,
член-корреспондент Россельхозакадемии, д.э.н., профессор*

Сразу же попытаемся ответить на вопрос: может ли аграрная экономика России успешно развиваться вне мировой системы? Однозначного ответа нет. Скорее всего, и да и нет. «Да» – потому что Россия самодостаточна. Имея огромные запасы плодородных земель (10% от мировых), обладая огромными запасами стратегических природно-сырьевых, энергетических ресурсов (нефть, газ, уголь, древесина, металлы и т.п.), грамотное и квалифицированное население, Россия в состоянии иметь и самостоятельно развивать аграрную экономику на высоком научно-технологическом и индустриальном уровне, что она уже неоднократно доказывала.

Что же мешает нам добиться этого? Мне представляется, что это прежде всего иллюзии и мифы, которые мы пытаемся строить, уходя как от субъективных, так и объективных ре-

альностей практической жизни развития производственных отношений и производительных сил как в самой России, так и в современном глобализирующем мире.

Современный же этап подлинной экономической глобализации характеризуется, на наш взгляд, следующими общемировыми тенденциями:

- частный бизнес приобрел невиданную ранее самостоятельность действий не только на внутреннем рынке, но и на внешнем, преодолевая межгосударственные границы;

- сглаживаются или полностью снимаются таможенные и иные барьеры на пути зарубежных товаров, услуг, капитала и рабочей силы, за счет развития в мире тенденции создания общего таможенного, валютного, визового пространства;

- идет развитие правил, обеспечивающих либерализацию внешней торговли, создаются механизмы их соблюдения в рамках Всемирной торговой организации (ВТО);

- Международный валютный фонд (МВФ) пытается наладить финансовое регулирование в мире с целью предотвращения валютно-финансовых кризисов. Правда, это пока получается плохо;

- идет развитие свободной миграции производственного и банковского капитала с помощью создания крупнейших фондовых бирж и внебиржевой торговли ценными бумагами и путем прямых иностранных инвестиций;

- начала развиваться общемировая сеть оказания скоростных транспортных услуг;

- получает широкое развитие общемировая глобальная система связи и информации и мгновенной ее передачи в любую точку мира (Интернет).

А что же делается сегодня в сельском хозяйстве России? Уже несколько десятилетий идет нескончаемый поток его реформирования.

В период проведения аграрной реформы, в так называемой новой России, (1991–2008 гг.), появился целый ряд мифов. В. Узун в своей статье в журнале «Вопросы экономики» № 10 за 2008 год называет следующие мифы.

Первый. Россия – страна крупных хозяйств, фермерство здесь не имеет перспектив.

Второй. Приватизация земли неприемлема.

Третий. Раздел земли на доли, а имущества – на паи ведет к дроблению сельскохозяйственных предприятий.

Четвертый. В России перспективны коллективные, а не частные хозяйства.

Пятый. Высокая эффективность обеспечивается только в крупных предприятиях.

Шестой. Стимулирование и контроль позволяют обеспечить эффективность наемного труда в сельскохозяйственных организациях.

Седьмой. Чтобы вывести сельское хозяйство России из кризиса, необходимо резко увеличить суммы бюджетной поддержки.

Восьмой. Аграрная реформа дала отрицательные результаты, привела к затяжному кризису.

И ведь все эти мифы имеют право на существование. Более того, их нельзя рассматривать изолированно, а только лишь в комплексе, поскольку они все касаются сельского хозяйства, его многоукладности в России и требуют объектив-

но системного подхода. Наша беда заключается в том, что мы до сих пор не рассматриваем экономику АПК как замкнутую экономическую систему, завязанную на всю экономику страны. Только в системе всей экономики страны АПК может эффективно развиваться. А мы, в том числе и аграрники-экономисты, напридумывали кучу мифов, реформ, вырвали отдельные структуры, отрасли из системы и хотим, чтобы в целом аграрный сектор экономики был эффективен. Нет, так не бывает. В том числе и так называемый приоритетный проект «Развитие АПК», пытавшийся отдельно решить проблемы животноводства и малых форм хозяйствования в отрыве от развития всей системы АПК (растениеводства, научно-технического прогресса, химизации, мелиорации, переработки, хранения и др.) фактически закончился провалом и стал своеобразной пиар-кампанией для исполнительных органов власти.

«Точечные», скудные по ресурсам, а потому малорезультативные показатели приоритетного национального проекта «Развитие АПК», а также связанные с проблемами села другие нацпроекты не оказали существенного влияния на предотвращение системного агропродовольственного кризиса и на уровень обеспеченности населения страны продовольствием отечественного производства. Только за два с половиной года реализации указанного проекта (2006–2008 гг.) удивительный для великой страны импорт продовольствия возрос более чем на 9 млрд долларов, или в 1,5 раза, а в целом за 2000–2007 гг. – в 3 раза, достигнув беспрецедентной суммы в 27 млрд долларов.

Системность развития АПК России как раз подтверждает то, что его экономика не может успешно развиваться вне мировой системы. Изолированность, замкнутость России не позволит успешно развивать ее экономику с учетом опыта и возможностей научного, технического, технологического потенциалов мирового сообщества, интеграции с учетом нарастающей глобализации в мире. И глупо было бы с нашей стороны не использовать эту мировую составляющую роста эффективности в целом экономики России.

Основным партнером России должен стать Европейский союз. Ориентируясь на Европу как на потенциального геополитического союзника, Россия сможет реализовать свои естественные конкурентные преимущества в наибольшей степени.

Необходимо восстановить те ценовые параметры конкурентоспособности основных факторов производства, которые имели место в середине 90-х годов.

За последние 6 лет сырьевая составляющая в российском экспорте выросла с 67,1 до 84,2%, а «нефтегазовый вклад» в бюджетные доходы поднялся с уровня в 31% до 54%.¹

В начале 90-х годов страна имела определенные конкурентные преимущества: квалифицированную рабочую силу; в целом здоровую систему мотивационных факторов и ценностных ориентиров экономически активного населения; дешевые природные ресурсы; правовую систему, дававшую предпринимателю значительную свободу; наконец, либеральное внешнеэкономическое законодательство.

¹ Согласно расчетам министра финансов РФ А.Л. Кудрина, приведенных им на лекции в Высшей школе экономики 28 февраля 2007 г.

Однако эти преимущества использованы не были – прежде всего потому, что безграничная свобода породила непродуманные реформы, «льющиеся» как из рога изобилия (не заканчивалась одна – начиналась другая), породили в обществе хаос и дезорганизацию, привели к растрате значительной части производственного и кадрового потенциалов страны, снизив уровень жизни населения.

Сегодня российская экономика практически невосприимчива к деньгам; огромные инвестиционные ресурсы, притекающие в страну в виде платежей по экспортным контрактам, не находят себе применения, «надувая», в основном, спекулятивные пузыри на сырьевом и фондовом рынках, а также завышая стоимость капитальных активов.

Внутренние цены на энергоносители и многие другие производственные факторы составляют сейчас в России не меньше 4/5 среднемирового показателя. Бензин на внутреннем рынке стоит в 4 раза дороже, чем в Китае, который, в отличие от России, нефть импортирует, а не вывозит. Металлоконструкции и некоторые стройматериалы стоят в 2,2–2,5 раза дороже, чем в странах Восточной Европы – бывших союзниках СССР.

Современное сельское хозяйство России крайне дифференцировано. Это не только разная специализация хозяйства, но и разный уровень экономического, технологического развития. В одних регионах АПК вписалось в рынок, более или менее стабильное развитие и наращивание производства, в других – на грани коллапса. Одной из главных причин такого состояния дел в АПК является диспаритет цен.

Если оценивать прошедший с начала 90-х годов период с точки зрения изменения масштабов и структуры экономической деятельности, то его можно уверенно рассматривать как этап стремительной деиндустриализации страны. А на фоне общей технологической деградации отечественной промышленности и сельского хозяйства произошел развал потенциала для инновационной деятельности в этих секторах национальной экономики, и прежде всего – разрушение отраслевой науки.

В чем причина сложившейся тенденции? На взгляд члена-корреспондента РАН, директора института экономики РАН Гринберга Р.С., таких причин три:

- бессистемная либерализация различных сторон хозяйственной жизни, осуществленная в начале 90-х годов;
- неадекватная денежно-кредитная и финансовая политика;
- отсутствие системных преобразований, направленных на рост конкурентоспособности реального сектора национальной экономики.²

Феномен так называемого «экономического роста» заключается в новом фетише российского состоятельного класса – это капитализация крупных компаний, по которой отныне и стали оценивать состояние экономики. Экономический рост 2001–2008 годы был в основном от сырьевых компаний и за счет экспорта сырьевых ресурсов. Другие же отрасли экономики медленно, но уверенно умирали. И умерло прежде всего российское село.

И это случилось потому, что на политическом уровне государства приоритет сельского развития признается, но в его

² Вестник института экономики Российской академии наук, № 1, 2008. М. С. 13.

обеспечении преобладают пока лишь декларации (в том числе и в ныне разрабатываемой Доктрине Российской Федерации, которая должна быть подписана Президентом РФ в декабре 2008 года), а не реальное его ресурсное, финансовое и организационно-экономическое обеспечение. В 2007 г. 25 стран ЕС (в основном импортирующие углеводороды и в значительных размерах экспортирующие продовольствие) располагали 162 млн га сельхозугодий, на них работали 9,2 млн среднегодовых работников, бюджетная поддержка аграрного сектора составляла 193 млрд долларов. В России (экспортирующей углеводороды в эти страны и импортирующей продовольствие) с площадью сельхозугодий 192 млн га было занято 16 млн среднегодовых работников, бюджетная поддержка – 4 млрд долларов.

Спекулятивная экономика, производственный сектор которой стремительно сокращается, порождает специфическую систему распределения доходов. В условиях, когда производство и экспорт энергоносителей обеспечивают 55–60% поступлений в бюджет, возникает возможность увеличить расходы по мере роста нефтяных цен. В последнее время так и происходит: расходные статьи бюджета увеличиваются на 25–30% ежегодно. Ввиду того что образование, здравоохранение, сельское хозяйство и даже инвестиционная деятельность не попадают в список приоритетов (так как потребность сырьевого и финансового секторов в них минимальна), основное внимание уделяется тем службам, которые призваны поддерживать status quo. Так из спекулятивной экономики рождается паразитическая.

Растет масса «управленцев» и «контролеров»: численность их достигла 1,45 млн человек и уже превысила численность бюрократов во всем бывшем СССР, но уровня экономики 1990 года так и не достигли до сих пор. Значительно количественно выросли силовые структуры. В общей сложности в стране «создают», «обороняют» и поддерживают установленный государством порядок почти 5 млн человек – а это более 15% мужской рабочей силы, занятой в народном хозяйстве. Результат: преступность растет, в тюрьмах около 800 тыс. человек, коррупция «накрыла» всю страну и стала, пожалуй, основной «головной болью» исполнительной власти страны на современном этапе.

Недавно Председатель Правительства РФ В. В. Путин заявил: «Россия должна быть среди самых развитых стран мира». К развитым странам мира ООН относит примерно 25 стран, имеющих самый высокий уровень экономического и социального развития. Важнейший обобщающий показатель здесь – внутренний продукт в расчете на душу населения.

В целом, в развитых странах проживает немногим более 1 млрд человек, которые журналисты называют «золотым миллиардом». В странах G-7 проживает более 700 млн человек.

В России в 2007 году ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составляет около 12 тыс. долларов. По этому показателю среди 210 стран мира Россия занимает примерно 50-е место. При этом по объему ВВП – 1,7 триллионов долларов – Россия занимает 8-е место, уступая США (12 трлн долл.), Китаю (8,5 трлн долл.), Японии (5 трлн долл.), Индии (более 3 трлн долл.), Германии (около 3 трлн долл.), Великобритании и Франции (примерно по 2 трлн долл.).

Таблица 1

**Уровень экономического развития в странах
G-7 и России по долгосрочному прогнозу**

Валовой внутренний продукт на душу населения
в тыс. долларов по паритету покупательной способности

Страны	Исходный уровень	Через 10 лет	Через 20 лет	Через 30 лет
G-7	30–40	40–50	50–60	65–75
Россия	12	22	40	70

Прирост ВВП на душу населения принят по странам G-7 по 2,5%; по России – 6% в среднем в год.

Надо иметь в виду: чтобы достичь уровня развитых и особенно самых развитых стран мира по социальным показателям, недостаточно одного экономического развития. Этот рост должен идти с преимущественным улучшением социальных показателей, и прежде всего показателей здоровья населения и его обеспеченности жильем и сферой услуг.

К концу первой четверти Россия может преодолеть планку 80% современного уровня развития стран Западной Европы, в середине века – превзойти нынешний уровень США.

По общей величине ВВП Россия к 2025 году сравняется с Италией, а к 2050 году войдет в первую десятку стран вслед за Китаем, Индией, США, Японией, Бразилией, Германией.

Сегодня доля России в мировом итоге ВВП весьма незначительна и составляет 3% (см. таблицу 3).

Таблица 2

**Перспективы мирового экономического развития
по трем группам стран и России**

Годы	Развитые	Развива- ющиеся	С переходной экономикой	Все страны	Россия
Численность населения, млн человек					
2000	861,1	4767,2	409,9	6038,2	145,0
2025	940,0	6390,0	410,0	7740,0	140,0
2050	990,0	7150,0	410,0	8550,0	140,0
ВВП на душу населения в ценах и по ППС 2000 г., тыс. долл. США					
2000	28,9	3,7	6,5	7,5	7,3
2025	57,8	10,7	22,0	17,0	20,9
2050	87,5	22,4	40,8	30,8	38,7
2000	24,9	18,0	2,7	45,6	1,1
2025	54,3	68,0	9,0	131,3	2,9
2050	86,6	160,0	16,7	263,3	5,4

Таблица 3

**Доля отдельных стран в мировом итоге ВВП
(оценка по паритету покупательной способности валют
(ППС), в %)**

США	23	Франция	3
Китай	10	Россия	3
Япония	7	Италия	3
Германия	5	Бразилия	3
Индия	4	Испания	2
Великобритания	3	Мексика	2

Существуют следующие сценарии развития экономики России:

- страна-рантье;
- мобилизационная стратегия;
- стратегия инерции;
- стратегия модернизации.

Концепция долгосрочного развития РФ до 2020 года ориентирует на мобилизационный характер, но прежде всего ставит задачу самосохранения нации и обеспечения ее национальной безопасности в будущем мире.

Эти сценарии можно рассматривать как самостоятельно, так и как производные в системе развития экономики в глобальном сообществе. Каждый из этих сценариев действует исходя из состояния и возможностей в том или ином обществе и «завязан» на определенную социальную группу в обществе.

Так, например, при сценарии страны-рантье явный упор будет сделан на расширение экспорта природных ресурсов, а что касается социальной группы, то это в наибольшей степени будет востребовано семьями, где существенную роль играют доходы пенсионеров и инвалидов, а также различные пособия для детей.

Инерционный сценарий будет иметь преимущественную ориентацию на традиционные связи с Евросоюзом, а не с другими геоэкономическими центрами, что может стать для России в перспективе весьма конфликтным. Этот сценарий найдет своих сторонников в социальной группе среди представителей топливно-сырьевого бизнеса, компаний в продовольственном, торговом и строительном комплексах, где высока доля иностранного капитала. По своему финансовому влиянию это наиболее мощный слой общественных сил.

Мобилизационный сценарий отражает линию на усиление государственного контроля и вмешательства во внешнеэкономическую политику, и он найдет свою социальную группу в лице низкоквалифицированных работников в части армейской среды и рядовых гражданских служащих, особенно региональных учреждений (субъектов Федерации и муниципалитетов), а также большинства работников государственных унитарных предприятий.

В модернизационном сценарии найдут наиболее емкое выражение внешнеэкономические связи, опирающиеся на интеллект и научно-технический потенциал российского и в целом мирового сообщества. Это ученые, конструкторы, преподаватели вузов, школ, медицинские работники, работники ВПК и аграрного сектора, которые осознают необходимость коренных преобразований в своей отрасли.

Развивающиеся страны, куда можно отнести и Россию, развиваются по следующим социально-экономическим моделям (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Развивающиеся страны:
модели социально-экономического развития**

Тип модели	Страны-представители
Либеральная	Польша, Венгрия, Чехия, Эстония
Сырьевая	Венесуэла, Нигерия, Саудовская Аравия
Экспортно-ориентированная, догоняющего развития	Китай, Индия, Республика Корея, Турция
Мобилизационная	КНДР, Куба, Туркменистан, бывший СССР

Достичь уровня благосостояния передовых стран к 2050 году Россия может на основе модели перехода от экспортно-ориентированного, догоняющего развития к развитию на научно-технической, технологической границе собственной экономики с учетом ее конкурентных преимуществ. Такую возможность сегодня «подсказал» нам мировой финансовый и продовольственный кризис. Если помните, уважаемые коллеги, дефолт 1998 года дал определенный толчок развитию аграрного сектора экономики России. Федеральная и региональные власти наконец-то серьезно заговорили о развитии АПК, вспомнили о нем, и начиная с этого периода он, хотя и медленно, начал подниматься, и фактически экономический рост этого сектора продолжается. Однако уровня 1990 года мы пока не достигли. Сегодня, когда грянул мировой продовольственный кризис, место России в его разрешении может быть особенным. И грех этот шанс не использовать.

В связи с этим в заключение особо хотелось бы сказать о роли и месте государства в разрешении этих проблем, о мифах либеральной теории и иллюзиях по поводу частной собственности, да и вообще о возвеличивании той или иной формы собственности. Не рановато ли мы забыли классиков политической экономики? Сегодняшняя ситуация в мире с новой остротой доказывает их правоту.

Мировой финансовый кризис заставляет мир перечитывать теоретиков коммунизма. Маркс снова «бродит по Европе». «Пробьет час расплаты для капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» – прогнозировал еще 150 лет назад Карл Маркс драматическое

развитие сверхбыстрой глобализации мирового рынка в начале XXI века.

Во время бушующего глобального кризиса и повальной национализации банков в Европе и даже в Америке, где новые приверженцы идеологии Маркса также убеждены в поражении теории свободного рынка и требуют от Вашингтона спешной национализации всех крупных финансовых предприятий по модели Великой депрессии 30-х годов, действительно кажется, что пророчество основоположника научного коммунизма сбывается.

У молодого поколения происходит переосмысление постулатов неolibерального счастья. На удивление, работы Маркса штудируют выпускники германских университетов. Для студентов Берлина и Бонна Маркс – самый великий немец всех времен и народов. Так, последние немецкие опросы показывают, что он стоит на первом месте в рейтинге «влияния на современность», уверенно обгоняя политика Аденауэра и церковного реформатора Мартина Лютера.

Левые настроения процветают даже в США. Известному экономисту, лауреату Нобелевской премии нынешнего года Полу Кругману даже пришлось объяснять в своей благодарственной речи, что «план Белого дома по выкупу акций у десяти крупнейших банков еще не социализм, а лишь проявление регулирования и надзора государства».

В этой ситуации впервые за последние годы и Правительство РФ наконец-то представило стратегию развития страны на 12 лет. «Стратегия-2020» – это не только идеологический манифест, но и своеобразная социально-экономическая кон-

ституция и реальный программный документ, включающий два этапа.

Первый, подготовительный этап, рассчитан до 2012 года, на котором будут создаваться все условия для использования всех уже существующих конкурентных преимуществ страны.

На втором этапе обеспечивается собственный инновационный прорыв. Ключевым фактором здесь станут не отрасли и сектора экономики, а человеческий капитал.

Однако следует отметить, что Концепция долгосрочного социально-экономического развития «Стратегия-2020», документ не только сырой, но и уже морально устаревший: в нем отсутствует анализ сценария развития событий, не просчитана эффективность действий правительства и возможные риски, не просматривается система его действий. Все написано гладко и обтекаемо, по-прежнему стремление сделать «все, как на Западе» и отсутствие надежной статистики вызывают серьезное недоверие к данному документу, так как все построено «от потолка», «на песке». Интересно бы знать, какой статистикой пользуется Минсельхоз России, говоря о победах в развитии экономики АПК, когда реальная ситуация плачевна, российское село умирает.

В «Стратегии-2020» нет ни одного конкретного экономического механизма, который бы заставил миллионы людей и организаций включиться в строительство новой экономики с социально ориентированным инновационным типом развития. По-прежнему остается непонятным, что же конкретно приведет Россию к мировому лидерству, активному участию в интеграционных процессах в миросистеме. К сожалению,

в концепции стратегии как таковой нет. Как и не было стратегии правительства последние почти два десятилетия. Она была забыта и не вспоминалась даже на словах, не говоря уже о конкретной практике работы. Что же касается «Стратегии-2020», то это не более чем докладная записка, обосновывающая линию распила бюджета вплоть до 2020 года.

Нынешний мировой финансовый кризис практически аннулирует как исходные положения, так и добрую половину как бы практических мер «Стратегии-2020». Они не будут работать.

Для нормального человека и предпринимателя макроэкономика с ее неолиберальной теорией – вещь абстрактная. Принимая экономическое решение, тот или иной работник не смотрит в среднем на социально-экономическую ситуацию в целом мире. Его интересует положение, прежде всего в его отрасли, его предприятии, его рабочем месте. Он требует конкретности профессионализма, знания жизни, понимания того, как должна более эффективна быть его деятельность. И именно этому должна способствовать «Стратегия-2020», а не быть очередным пустым документом, рекламирующим «активную» деятельность правительства страны.

Здесь будет весьма уместно сказать об эффективности действий работника, предприятия, отрасли, которую, к сожалению, на протяжении всех веков существования человечества связывают с собственностью, считая, что эффективной может быть только частная собственность. На наш взгляд, это грубейшее заблуждение, на что указывали еще классики политической экономики. Нынешние же монетаристы и неоли-

бералы частную собственность считают панацеей от всех бед, но беды идут именно от такого понятия и применения этой теории в последние годы финансово-экономическим блоком России.

Следует заметить, что форма собственности на эффективность производства не играет особой роли. Все ее формы одинаково эффективны, если применяется эффективный механизм ее реализации, то есть кому принадлежит конечный продукт, как он распределяется. Еще А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» писал, фактически предрекая сегодняшний финансовый кризис, ссылаясь на К. Маркса: «не нужно золото ему, когда простой продукт имеет». Не стоит фетишизировать ту или иную форму собственности. Это экономически нецелесообразно.

Интегрироваться в мировую систему нам необходимо, но ни в коем случае не быть подопытной страной для Европы и Америки, которые усиленно хотят нас заразить «бациллами» либерального капитализма. Он давно умер. Нам следует жить своим умом, государственными принципами воздействия на социально-экономические процессы. Не забывать о классических функциях государства, которые, кстати, давно уже стали нормой у наших заграничных «наставников».

Судьба страны во многом будет зависеть от того, насколько последовательно и целеустремленно будет проводиться намеченный политический вектор российской власти. Мировой финансовый кризис, как я говорил выше, парадоксальным образом пойдет России на пользу. В плане окончательного освобождения от либерально-монетаристских иллюзий,

ясного осознания всей сложности стоящих перед нашей страной задач, преодоления продовольственной, идеологической, культурной и прочих форм зависимости. Учиться и перенимать лучшее не зазорно, но лишь для того, чтобы это помогло нам в полной мере раскрыть все свое особенное, специфическое, родное и близкое нам по менталитету, что накоплено нашей историей, что свойственно нам по духу.

Вольное экономическое общество России в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (письмо № 45.1-132 от 14.10.2008) определяет правила оформления научных статей, представляемых для публикации в сборниках Научных Трудов ВЭО и МСЭ

УСЛОВИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВЭО РОССИИ

1. Статья представляется в электронном виде на дискете в формате Word для Windows 95 и выше и в виде распечатки (желательно на лазерном принтере) в двух экземплярах через 1,5 интервала с размером шрифта не менее № 12, с верхними и нижними полями не менее 30 мм, с боковыми полями не менее 20 мм.¹ Статья на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи на магнитном носителе.²

Возможно предоставление научной статьи и сопроводительного письма по электронной почте.

2. Распечатка научной статьи должна быть подписана автором с указанием даты ее отправки. К статье должно прилагаться письмо от организации, рекомендующей статью к публикации.

¹ Предоставление статьи, записанной на дискете или диске, требует обязательного представления распечатки на бумажном носителе.

² В случае обнаружения расхождения редколлегия будет ориентироваться на электронный вариант рукописи.

3. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, напечатанных через 1,5 интервала, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

Рекомендуемый тип шрифта – Times New Roman.

4. Перед каждой статьей должна быть дана краткая (6–8 строк) аннотация содержания статьи на русском и английском языках.

5. Таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах.

Иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 8.

6. Наличие пристатейных библиографических списков (на русском и английском языках) в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (подробности – на сайте Международного Союза экономистов <http://www.iueson.org>), а также ключевых слов к статье (на русском и английском языках) является обязательным.

7. Перед названием статьи должны даваться точные сведения об авторе(ах) с указанием фамилии, имени, отчества, должности, места работы, ученой степени, звания и контактной информации (на русском и английском языках).

8. Аспиранты освобождаются от платы за опубликование рукописей.

9. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России и МСЭ.

10. Требования к электронному варианту на магнитном носителе:

Магнитный носитель должен представлять собой дискету 3.5" или CD. Имя файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора и иметь стандартное расширение .DOC или .RTF – для документа Word. Носитель не должен содержать каких-либо посторонних файлов, не относящихся к представляемым в оргкомитет материалам.

11. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные Труды ВЭО России на ближайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а. Данное условие вступает в силу со второго полугодия 2009 года).

*Условия представления научных статей
для публикации в сборниках Научных Трудов ВЭО России
вступают в силу с 1 января 2009 г.
Настоящие условия опубликованы с 15 декабря 2008 г.*

*По вопросам публикации статей следует обращаться
в ВЭО России по телефонам:
(495) 609-07-33, Смелянская Ирина Леонидовна,
(495) 609-07-60, Яшина Анна Владимировна.*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том сто двадцатый
(в совместном издании с Международным Союзом экономистов –
том двадцать девятый)

Информационно-аналитическое издание для членов
Вольного экономического общества России

Москва – 2009

Издание осуществляется
Вольным экономическим обществом России –
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работали:
А.В. Яшина
Е.В. Стрелкова

Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № 77–3786 от 20.06.2000
Лицензия на издательскую деятельность – ИД № 01775 от 11.05.2000
Подписной индекс – 10920 в Каталоге российской прессы «Почта России»
Подписной индекс – 64550 в Каталоге ОАО «Агентство «Роспечать»

© Вольное экономическое общество России, 2009
© Международный Союз экономистов, 2009
ISBN 978-5-94160-100-4
ISSN 2072-2060